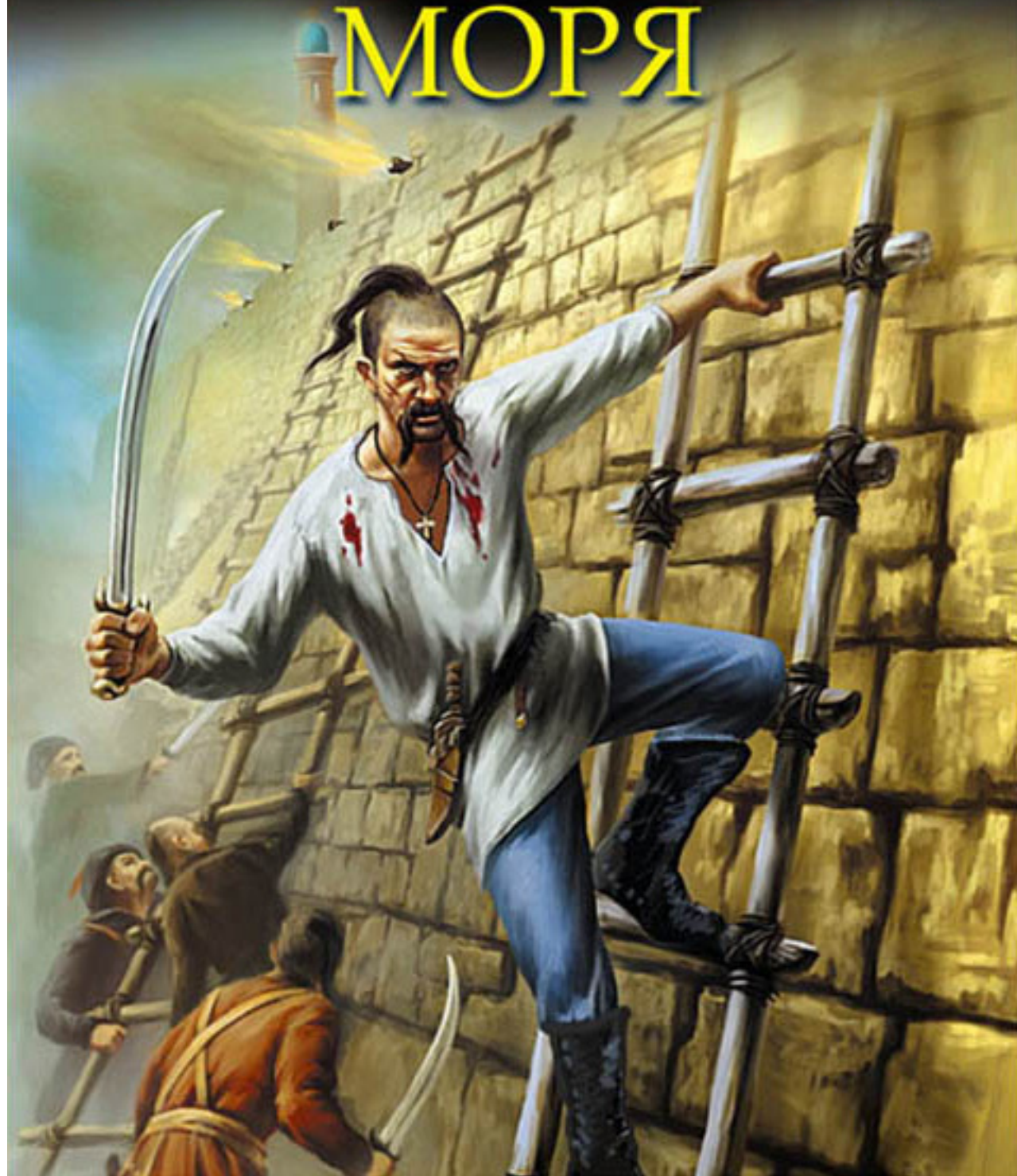

—← СЕРГЕЙ →—
МИЛЬШИН

ВОРОТА СУРОЖСКОГО МОРЯ

Исторические приключения

Сергей Мильшин

Ворота Сурожского моря

«Яуза»

2019

УДК 94
ББК 63.3(0)

Мильшин С. Г.

Ворота Сурожского моря / С. Г. Мильшин — «Яуза»,
2019 — (Исторические приключения)

ISBN 978-5-6040917-3-9

Тридцатые годы семнадцатого века – темное время на южных окраинах Руси, еще не оправившейся от Смутного времени. Там бродят шайки людоловов, нападая на села и станицы, уводя русских людей в неволю. С захватчиками и разорителями сражаются донские казаки, на своих стругах совершая глубокие рейды по тылам врага – побережью Черного моря. Но что делать, если устье реки, эти ворота Сурожского (Азовского) моря перекрыли огромными цепями, которые прикрывают пушки крепости Азов, перевалочной базы турецких работорговцев? «Казак без моря – половина казака!» Вольные люди никогда не смирятся с потерей выхода на морской простор. А, значит, вперед, на штурм Азова!

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-6040917-3-9

© Мильшин С. Г., 2019
© Яуза, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	43
Глава 5	47
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Мильшин Ворота Сурожского моря

«В течение XVI–XVII веков Турция открыто вела агрессивную политику в Восточной Европе, на Кавказе и в Иране. Во всех наступательных действиях против России крымский хан был активным союзником турецкого султана.

Наступление Турции на Московское государство происходило по трем основным направлениям: через Молдавию и Валахию – на Украину; через Крым, с помощью крымского хана, – на центральные районы нашего государства; через Черное море (устье Дона и город Азов) – на Поволжье и наши юго-восточные окраины.

Азов являлся для Турции ключом не только к Поволжью, южной России, но и к Северному Кавказу и к Востоку. Через Азов турки поддерживали связь с Казанью и Астраханью даже и после того, как эти бывшие татарские ханства вошли в состав Московского государства. Через Азов турецкий султан был связан со всеми ханами Средней Азии, а также с князьями горских народов Кавказа.

Кроме того, Азов вел тогда обширную торговлю, в которой были заинтересованы не только Турция, но также Англия, Франция, Венецианская и Генуэзская республики, а также другие государства. Торговля через город Азов с Московским государством и с Востоком, дававшая огромные прибыли, побуждала ряд западноевропейских государств добиваться права участвовать в ней с целью захвата рынков сбыта и оттеснения с них как русских, так и турецких купцов».

Григорий Мирошниченко (автор романов «Азов» и «Осада»)

Пролог

Ногаи подошли к переправе на Остров повечерья. Узкая тропка, ограниченная стенами густого камыша, пропускала только по одному всаднику, потому двигались с опаской – казаки горазды на засады. Но в этот раз обошлось.

Здесь, в низовьях, Дон разливался на множество протоков – ериков, и между ними шумели разлапистыми тополями и хрупкими раkitами больше десятка островов самых разных размеров: от двух сажень в длину до четырехсот. На одном из таких клочков земли, сейчас проглядывающем через заросли высоченного чекана¹, и прятался скромный десятидворный казачий хутор.

На берегу зачмокали копыта, погружаясь в прибрежный ил. Ногаи спешно попрыгали с лошадей. В тесноте толкались плечами люди, пихались крупами лошади, одна животина сползла задними копытами в воду и, испугавшись, глухо заржала, – пятачок у реки вмещал не больше десятка бойцов. Хан прикрикнул на бойцов, и они спешно отступили в густые заросли.

Прежде чем переправляться, спрятали коней в глубине камыша, отыскав более-менее сухой пятачок, и сели наблюдать.

Аззат – хан небольшого пастушьяго рода – готовился к набегу с того момента, как его возглавил. Его предшественник – старший брат – участвовал в нескольких объединенных вылазках татар и ногаев, но удача далеко не всегда сопровождала войску. А когда удавалось захватить казаков внезапным наскоком, добыча делилась соответственно количеству бойцов, и небольшому роду Аззата доставалось не так много, как хотелось бы. Потом старший брат случайно, ну или почти случайно, погиб на охоте, и род перешел в крепкие руки Аззата.

Казачьи курени отсюда не видать, но ногаи знают – там они. Уж сколько лет мечтают последователи Магомета застать православных врасплох. Налететь, ярьась от собственной удачливости. Порубать сонных. Больно прижимая коленом к земле, повязать руки раненым и побитым. А полураздетых девок, мягких и неподатливых, но оттого еще более желанных, увести с собой.

Вроде и стоят курени недалече – на том берегу, а добраться до них непросто. Посты, скрытые и явные, раскиданы по всему берегу. Один звук, неосторожность – и казаки наготове. Там бежать-то – сажень триста на самый дальний откос. А воевать они умеют. С детства с саблями, пиками да другим оружием играют. Пока будешь ногаев переправлять, они десять раз стрелами нашипигуют, да и из ружей побить не побрезгуют. Может, кто из воды и выберется, да толку? Встретят не пирогами, а клинками. Казаки с юртов² в плен не берут, зачем им лишняя обуза? Если в набегах на турецкие земли, они не прочь и ясыр³ прихватить: турки богатые на выкуп, то с татар да ногаев им особого проку нет. Беднота в степи живет, многие деньги сроду не видали. А чтобы хан своих людишек выкупал – так такого казаки и не помнят. И верно, не стоят плененные затрат. Раз попали, сами виноваты, выкручивайтесь, как хотите. А могли бы неверные, по разумению Аззада, рабов завести или, на худой конец, продать в Аздаке⁴ пленников. Все жизнь останется, а с ней и возможность выкупиться или сбежать. Нет, проклятые, не берут полон.

Хозяин Аздака – Калаш-паша – тоже подзуживает: «Не давайте казакам спокойно жить и рожать детей, особенно мальчиков, у них каждый юноша – воин. Пусть земля горит под казачьими ногами, пусть не чувствуют они себя на Тане-Дону хозяевами». А как не давать им

---

¹ Камыш (здесь и далее казачьи термины).

² Отделение в воинском подразделении или хутор в быту у казаков.

³ Пленники.

⁴ Город Азов на турецкий лад.

спокойно жить? Казаки – народ злой, сопротивляются до последнего, нападать можно, только хорошо подготовившись. А на это время требуется и средства. К тому же, надо заранее взвесить все «за» и «против» и собрать силу вдвое, а лучше втрое превышающую казачью. И все равно, победа – не факт. Неверные хитры, и разведка у них налажена, не дай Аллах. Любой купец, мальчишка, рыбацкий на реке, или погонщик волов могут оказаться наблюдателями. Как утаить подготовку к набегу? Как собрать силу, чтобы казаки о том не пронюхали? А если и соберешься, и повезет подобраться к неверным на выстрел, они же, дети медведя и свиньи⁵, как ни старайся, сдаваться и не подумают. Будут рубиться, покуда сил и жизни хватит. Сколько правверных погубят! Никакого рода на них не хватит. «О Аллах, дай мудрости и крепости духа в нашей священной войне против неверных», – худосочный хан неторопливо сполз с жеребца.

Слуга, хорошо знакомый с предпочтениями хозяина, уже поправлял кошму, брошенную на связку камышей. Даже в походе хан не любил уподобляться своим подчиненным, готовым спать на земле, подложив под голову седло. Он – благородного происхождения, и ложиться на голую землю не по чину.

Несколько последних месяцев Аззат вынашивал мысль о набеге, словно мать долгожданного ребенка. Ворочал ее в голове и так и эдак: в любом случае теряет как минимум половину сотни. А больше всадников его род выставить не мог. Так бы и разрывался хан между желанием напасть на казачий остров и опасениями потерять людей, если бы не случай.

Все-таки всевышний не оставляет милостью Аззата. Он понял это еще в тот раз, когда навел острые стрелы на лошадь брата, галопом уходившую от разъяренного матерого секача.

Неделю назад охранный разъезд, объезжавший прибрежную рощицу, столкнулся с двумя казаками-охотниками. Одного взять живым не удалось – рубился как зверь, пришлось издалека истыкать стрелами. Зато второй, сообразив, что через миг последует за товарищем, сам поднял руки. На всякий случай нукеры запястья ему связали, и вскоре в таком виде испуганный пленник упал пред ханские очи. Везенье не оставило Аззата и здесь. Русский заговорил сразу, не понадобились даже приготовленные кусачки для выдергивания ногтей, и Нубир – мастер по сдиранию кожи – остался без работы. Выяснилось, этот человек беглый, из царских холопов, и только недавно поселился на Острове. Казаки дали ему кров в курене одной вдовицы и стали брать с собой на охоту и рыбалку.

Хан сразу понял – это божественный промысел. Еще вчера ногам и не мечтали пробраться на юрт незамеченными. И вот Аллах уже в который раз проявил безграничную доброту к роду Аззата, послав ему холопа. Хан был достаточно умен, чтобы сообразить – с этим пленным лаской можно добиться гораздо большего, нежели запугиванием. А потому не стал мучить пленника, назвавшегося Семеном Аксютой. Напротив, принял любезно и даже кинул ему приготовленные для других нужд пятнадцать алтын⁶, пообещав заплатить столько же, если он проведет отряд на Остров. Хан неплохо разбирался в людях. Заметив, как заблестели глаза Степана, получившего первые деньги, он понял, что просчитал того верно и теперь сможет вертеть пленным, как заблагорассудится. Дело лишь в цене.

Через топкое болото, по еле угадываемой гати, Аксюта привел всадников в густые кушири⁷ на самом берегу ерика. В сгущающейся темноте вечера указал рукой на стоптанный копытами берег у воды:

– Здесь казаки переправляются на лодках и вплавь с лошадьми, а сторожа не держат, поскольку никто об этой переправе, кроме их самих, не знает. Да и добраться сюда через высокие камыши не каждый сможет, гать-то тайная.

⁵ Самые крепкие мусульманские ругательства

⁶ Один алтын равнялся шести московским копейкам, позднее – трем.

⁷ Заросли кустарника, диколесье.

Целый день, опасаясь засады, хан наблюдал за переправой. Похоже, пленник не врал – на том берегу за все время не показалось ни одной живой души. Получив последний доклад уже в сумерках, хан объявил переправу на рассвете следующего дня и дал команду отдыхать.

Утром, выслушав разведчиков, так никого и не заметивших за ночь на противоположном берегу, он еще раз внимательно взгляделся в глаза Степана. И снова никакого подвоха в них не обнаружил. Немного мутноватые зеленые глаза. Как у всех. Нет, не как у всех. В самой глубине зрачков Аззат увидел страх, страх смерти. И тогда он махнул рукой, указывая на противоположный берег. И сам первым скинул азиям⁸.

Ногаи, поторапливаясь, разделись. Уложив одежду и оружие в тюки, притороченные к седлам, они ступили в холодную осеннюю воду. Кожа сразу покрылась пупырышками, зубы застучали марши. Низкорослые кони с длинными нестриженными гривами упрямылись, еще меньше людей желая лезть в воду этим зябким осенним утром. Ногаи вполголоса ругались, кнуты паутами жалили вздрагивающие крупы.

На рыбалку отправились, еще туман не садился на сырые кусты. Сторожко, чтобы не разбудить родителей, спавших в другой половине куреня, и младшего брата Василька с сестрой Красавой, расположившихся на соседних лавках, выбрались из куреня.

Светало. На востоке небо окрасилось в светлые тона, по самому краю словно окаймленные кровавой полоской. Братья-близнецы Валуй и Борзята Лукины замерли у дверей, прислушиваясь: никого не разбудили? Поеживаясь, коротко оглядели округу. Низенький плетень с вывешенными на кольях старенькими кувшинами, узенькая тропка, уводящая со двора, замершие в сумраке угадывающиеся соседские курени⁹ под камышовыми крышами. Вроде тихо. Густо пахло прелыми листьями и рыбной требухой. Давеча родичи натрудились, допоздна пластая рыбу и густо посыпая ее солью на зиму. Как и весь десятидворный юрт в эти погожие осенние деньки. Парням не хотелось поднимать своих ни свет ни заря, еще успеют рубахи потом пропитаться. И только так подумали, как дверь чуть скрипнула, и в образовавшуюся щель скользнула Красава в длинной, до пят, рубахе. Набросив на голые плечи платок, она окинула замерших братьев заботливым взглядом:

– Поесть-то взяли чего? Опять не позамтракавши, поди.

– Так, это, – Борзята смущенно пригладил взъерошенные волосы, – не проголодались ишшо.

Валуй, подтверждая, кивнул.

– Мы, правда, не хотим.

Красава хмыкнула:

– Не проголодались они. Стойте, счас вынесу, – не дожидаясь ответа, она нырнула в прохладную тень приоткрытой двери.

Братья с улыбкой переглянулись.

– Разве с ней поспоришь...

– Завсегда по-своему сделает.

– Упертая.

Сестренка, появившаяся на свет двумя годами позже своих 17-летних братьев, порой командовала большаками, как младшими. Особенно в делах домашних, в которые парни по мужской своей природе не вмешивались.

Валуй мысленно улыбнулся. «Какая же она у нас. И красавица, и умница. А хозяйка! Повезет парню с женой. Пока она еще на ребят и не смотрит, но это ненадолго, такая дивчина

---

⁸ Халат.

⁹ Дома у казаков.

в родительском курене не засидится». Наверное, Борзята думал примерно о том же, во всяком случае, при появлении сестренки, только что улыбающийся, спешно насупил брови.

Красава сунула в руки Валуя узелок с чем-то мягким:

– Вот, хучь хлеба да по яйцу возьмите. Все не голодом.

– Заботливая ты наша, что бы без тебя делали, – Борзята хотел погладить сестренку по голове, но она увернулась, нарочно хмурясь.

– Идите уже, а то зорьку пропустите, – перекинув распущенный густой волос на грудь, Красава исчезла в сеньях.

Валуи записал узелок за пазуху. Подхватив заготовленные еще с вечера снасти, парни деловито зашагали по узкой тропке к ерику.

Поздняя осень выжелтила густые и жесткие травяные заросли в рост человека по краям тропки, диколесье, окружающее рыбаков со всех сторон, оделось в разноцветные наряды. Утренний воздух, наполненный запахами потрошенной рыбы и тины, бодрил прохладой. Шагалось по сырой траве легко и приятно. Утренняя влага, прижимаясь к коже ног намочшей тканью, неназойливо охлаждала. Скоро отсыревшие почти до бедер штанины налились тяжестью. Но братья, с детства привыкшие проводить большую часть дня на реке, не замечали этого.

Утренняя мягкая тишина текла над туманной водой, ветер еще не проснулся, и листья высоченных тополей чуть покачивались, словно сонные. Знакомая тропинка уводила вдоль ерика. У замаскированного поста – невысокого стожка камышей – они уважительно поздоровались с разлохмаченным дежурным, выставившим голову в прореху. Он делом занимается – на посту стоит. Парни, по юному возрасту к охране еще не привлекавшиеся, слегка позавидовали. Игнатка – молодой казак, может, на пару лет постарше Лукиных – проводил казаков веселым взглядом: «На рыбалку собрались – надо будет вечером поинтересоваться, как улов», – и снова скрылся в глубине стога.

Саженой через двести парни вышли на участок ерика, закрепленный за семьей Лукиных.

Валуи, почесав распахнутую крепкую грудь всей пятерней и вздохнув свежего осеннего воздуха, вытянул из халабуды¹⁰ загодя припрятанную легкую долбленку. Вместе с Борзяткой столкнули ее на парящую воду. Испугавшись плеска, из зарослей выскочила заполошная кряква и, суматошно махая крыльями, плюхнулась на середину протоки. Братья равнодушно повернули головы и, узнав птицу, отвернулись. Были дела поважней какой-то там утки, хоть и по-осеннему жирной. В другой раз оно бы со всей душой, но не сейчас.

Оттащив волок¹¹ на середину протоки, скинули буй и повернули к берегу. У самой воды длинноногая чапура¹² чистила перья, расправив белоснежное крыло и совсем не обращая внимание на людей.

– Знает, образина, что невкусная, – Борзята кивнул на птицу.

– Точно, – поддержал брат, – не голодные годы.

Крупная рыба хлестнула хвостом выше по течению, и братья дружно прислушались.

– Осятр!

– Не, шшука! Но здоровая!

– Ладно, айда дальше, нам еще два волока кидать.

Валуи уселся в лодку, туда же сложили невода. Борзята зашагал берегом. Утренняя прохлада заливала заросли, над водой скапливался густой туман. Высокие белолисты¹³ и ольха подступали почти к самой воде. Толстые корни, высохшие за лето до каменной твердости, цепля-

---

¹⁰ Шалаш, временная постройка.

¹¹ Сеть.

¹² Чапля.

¹³ Тополя.

лись за ичиги¹⁴, шагало не в лад, и Борзята позавидовал брату, лениво толкающемуся веслами вдоль берега. Вспомнив, как вечером младший братишка Василек, цепляясь попеременно то к нему, то к Валую просился на рыбалку, усмехнулся. «Привязчивый же какой. Еще бы чуть-чуть, и уступили. Не, нечего ему туточки делать. Работы на двоих, третий только мешался бы, – еще раз убедив себя в правильности отказа, Борзята почему-то не почувствовал облегчения. – А может, и надо было захватить братца. Глядишь, и пособил бы чего. Уж больно хотел малой».

Почти у ног крякнула спросонья раздувшаяся от важности лягушка, и Борзята неожиданно вздрогнул. И тут же забеспокоился: «Чего это со мной? Ерунда какая-то! Лягушка напугала! Квакушка, хоть и недобрая примета, но не вздрагивать же на каждое «ква?» Он попытался одернуть себя и вернуться в прежнее размеренно-спокойное состояние, но что-то мешало. Определенно!

Свернув за излучину реки, братья внезапно почти одновременно заоглядывались. В утренней тиши чуть булькало погружаемое в воду весло, громко шуршала трава под ногами. Почему-то этот звук беспокоил, и Борзята начал поднимать ноги повыше, опуская с носка, как учили деды. Шуршание пропало, но тревога не оставляла. «Что за бесовы шутки?» Он оглянулся на брата. Тот подгрребал к берегу, вытягивая шею, словно что-то угадывая.

Неожиданно в куширях зашуршало, и почти одновременно из-за деревьев на берег выскочили вооруженные ногаи. Человек десять.

Откуда они тут?!

– Эт, мать, – только и успел выдавить Валуй, кидая лодку к берегу.

Борзята уже искал глазами какую-нибудь дубину под ногами. Валуй, подскочив, сунул ему в руки весло. Сам ухватил наизготовку второе и, малость откатнувшись в сторону, чтобы не задеть брата, принял боевую стойку.

«А хорошо, что Василька-то не взяли, – мелькнула у Валуя мысль, и вдруг замельтешило в голове, словно обжегся и никак не выходит избавиться от заволокшей глаза боли, и хочется прыгать и выть. – А ведь лабей¹⁵и нам, и нашим. Раз пробрались на Остров, значит, сейчас и к курениям подкрадываются». Правда, еще теплилась где-то глубоко слабая надежда: «Авось, не проспят, отобьются». Но уже понимал: «Нет, не такие ногаи разбойники, чтобы дать казакам выскочить. Наверняка все продумали и окружили, не оставив ни щелочки». Скрипнув зубами, как от боли, Валуй крепче сжал весло.

Около десятка ногаев находили полукругом, презрительно и в тоже время настороженно поглядывая на братьев. Их решили брать живыми, а это могло означать только одно: плен и рабство.

– Лабей нам, – Борзята озвучил мысль и перехватил весло посередине – так удобнее отбиваться в окружении.

– Ежели и так, лучше уж лабей, чем полон.

– Продадим жизни подороже, – Борзята первым ткнул в живот близко подошедшего врага. Тот охнул и согнулся. Валуй замахнулся в другую сторону.

Братья продержались недолго. С отчаянной решимостью они успели раз по пять порубиться веслами, словно дубинами, свалили столько же врагов, но из оставшихся самый шустрый, подкравшись сзади, набросил на голову Валуя халат. Пока тот освобождался, подлетели еще двое, веревка захлестнула парня. Тут же и Борзята получил крепкий удар дубинкой по затылку, и небо качнулось, уплывая в темноту.

Ногаи заканчивали переправу. Теперь они спешили – позади над разоренным хутором поднимался столб дыма, его могли увидеть казаки за рекой. Пока они не прислали подмогу,

---

¹⁴ Кожаная казацкая обувь без каблуков, наподобие сапогов.

¹⁵ Смерть, конец.

надо уйти как можно дальше. В своем уделе хан казаков не боялся – кругом соседи, помогут, если что.

В этот раз Аззату достался богатый ясыр¹⁶: пятнадцать баб разного возраста, около двух десятков мальчишек и девчонок. Повезло! Из казаков, годных на продажу, удалось захватить пятерых. Двоих застали у реки на рыбалке. Близнецы. Вот же безмозглые! Сразу же понятно было – не вырваться, а бились, словно жизнь не дорога. Им бы упасть и спасения вымаливать, а эти... Пока не связали, пятерым бошки проломили. Все они – казаки и даже казачата – такие. Одно слово – бешеные! И эти, молодые совсем, еще безбородые, а туда же. «Продам за самую высокую цену, – решил хан. – Надо же вдовам моих людей какую-никакую помощь оказать».

Еще троих раненых связали на хуторе. А десятка два станичников пришлось положить – не сдавались, сыны свиноматки. Поначалу кинулись было с ними в рубку, но, потеряв в один момент восьмерных бойцов, хан скомандовал отойти. Окружив казаков на круглой площадке между домами, четверьмя залпами набили стрелами. Пришлось утыкать, как ежей, – никто не падал даже после двух-трех попаданий. К счастью, урус-шайтанов¹⁷ среди них не нашлось. А таких Аззат боялся, как молнию – кару богов. Самому, правда, не приходилось с казачьими демонами встречаться, но другие рассказывали. Мол, и стрела их не берет, и сабля о них ломается. Не дай Аллах!

Старух, стариков и совсем малых детей Аззат велел зарубить на месте, предварительно вырезав из распоротых животов желчь. Ногаи верили – намазав ею зубы, избавишься от всех болезней. Мог бы, конечно, и поиздеваться малость. Бойцы просили выделить им пару малолеток, потренироваться в сдирании кожи. Ее, вообще-то, можно потом и продать, тоже цену имеет. Но он не живодер. И не видит никакого удовольствия в муках беззащитных, в отличие от соседа князя Наиля. Вспомнив о князе, хан погрузнел: он должен соседу две кобылицы.

– Придется отдать часть полона в счет долга, – Аззат разговаривал сам с собой.

Легко запрыгнув на спину горячего жеребца, уселся поудобнее. Люди привычно выстраивались в походный порядок, змейка отряда терялась в глубине камышовой стены. Несколько ногаев на тростниковых плотках переплавляли последних связанных пленных.

– Штуки две мальчишек, девчонку докину, ну и девку. Казаков не дам – самому нужны. В Аздаке за них хорошо платят. Султану на галеры постоянно требуется новый товар – старые гребцы дохнут быстро.

К нему подвели Степана. Отирая ладонью обильно выступивший на лбу пот и боясь поднять глаза, он мелко трусился. Хан брезгливо поморщился: холоп так страшился смерти, что готов обделаться от страха. Но Аззат не собирался его убивать – такие предатели редкость в стане врага. Если честно, до Степана он ни разу не слышал про казаков-предателей, впрочем, этот пленный не был казаком. В том его и ценность – и не казак, а живет среди них – вечных врагов ногаев. Такого следует побережь, авось пригодится. Хан отстегнул от пояса кошель, в котором давно приготовил для Аксюты оставшуюся часть суммы.

– Лови, урус, – кошель полетел в руки сразу взбодрившегося предателя. – Ты заслужил награду.

Тот закивал головой, спина согнулась в поклоне:

– Премного благодарен, хан.

Аззат потрепал лошадь по шее, рука дернула повод. Уже уезжая, бросил через плечо:

– Иди в Черкасск, запишись в войско, когда понадобится, я тебя найду.

С такими деньгами Аксjuta с удовольствием записался бы и в ученики водяного. Согласно наклонив голову, он развязал кошель. Опасливо косясь на потерявших к нему интерес ногаев, пересчитал монеты.

---

¹⁶ Пленники.

¹⁷ Так ногаи и татары называли характерников, о них речь пойдет ниже.

«Надо же, не обманул, – холоп качнул головой, удивляясь. – Все тридцать, как обещал».

Развязав платок с авансом, он кинул первые пятнадцать алтын в ханский кошель, и они зазвенели, смешавшись с остальными деньгами. Еще раз оглянувшись на деловито покрикивающих на ясыр ногаев и убедившись, что они уже забыли про него, Аксюта двинулся к берегу. В тайном месте, он даже хану про него на сказал, оставалась припрятанная лодка... Снова лезть в холодную воду не хотелось. «Осень, как-никак. Это дикие ногаи привычные к стуже. Вон, мокрые все, а не замечают, будто так и надо. Тут и простыть можно. А теперь, когда разбогател, это совсем ни к чему. Жизнь надо устраивать».

Мимо, в окружении ногаев, опутив головы, обреченно шагали пленники. Плечи опущены, кровавые пятна пропитывали грязные нательные рубахи. Степан презрительно плюнул под ноги своим бывшим соседям. «Грязные оборванцы, я знал, что надолго у вас не задержусь. У меня большое будущее».

Никто не смотрел на него, и предателя это вполне устраивало: еще ругаться начнут. Плевался он скорей для ногаев, чем для казаков. Тем уже доказывать нечего, а вот ханским людям еще раз показать преданность не помешает. Но и они, равнодушно покачиваясь в седлах или шагая пешими, придерживая чубуки¹⁸, не глядели на Степана.

– А и черт с ними, – решил Аксюта. – Пора выбираться.

По узкой гати навстречу двигались люди хана со связанными казаками, предателю пришлось уступить дорогу, прижавшись к камышам у самого края тропы. «Ничего, потерплю, мог ведь и среди них оказаться. Везунчик я, – пробираясь вдоль камышовой стены и выдирая ноги из затягивающей, словно кисель, прибрежной глины, он размечтался. «Куплю дом, небольшой, но справный. Бабу приведу. Эту – казачку – грохнули, наверное (проверить Степан не собирався, как и жалеть о ней). Другие найдутся, я таперича жених видный. Вот только в Черкасск не хочется. Ну, да я еще подумаю. Дорог много, а с такими деньгами мне любая подойдет».

По пути ему пришлось остановиться, пропуская последних пленных, сгрудившихся у воды, в ожидании пока пройдут остальные. Почти все стояли, не поднимая глаз. На всякий случай, опасаясь нарваться на грубость, Аксюта укрылся за конными охранниками. Но один из ногаев грубо толкнул его ногой:

– Коч отсюда, не стой под копытами.

Степан суетливо отскочил, и тут несколько пленных подняли головы. Первым его узнал один из близнецов, кажется, Борзята, хотя он мог и перепутать:

– Сучий сын! – он прошипел с такой ненавистью, что предатель невольно передернулся, будто ледяной воды плеснули за шиворот.

– Мы тебя все равно достанем, – это пообещал уже второй близнец.

– А если не мы, то другие казаки за нас отомстят. Предатели долго не живут.

– Бог все видит.

Он резко отвернулся, камыши раздвинулись под дрожащей рукой Аксюты. Нырнув в их спасительную густоту, он почувствовал, как холодеют ладони. Страх пробежал по позвоночнику липкой струйкой пота. Теперь они его видеть не могли, и Степан немного успокоился. Почему-то он не чувствовал себя в безопасности, пока на него глазели, пусть и связанные, эти сумасшедшие казаки. Спешно удаляясь вдоль берега, притаптывая и раздвигая высокие камыши, он еще долго слышал позади голоса бывших соседей, обещавшие ему самые страшные кары. Ногаи пленных не затыкали, наверное, считали, что те имеют право высказаться, а может, и сами считали так же. И только удалившись на порядочное расстояние и перестав слышать казаков, он наконец-то перевел дух:

---

¹⁸ Повод, часть лошадиной упряжи.

– Ну, ничего, пушай побесятся, теперь они мне не страшны, все скоро у турок и татар окажутся на галерах да в гаремах, – Аксюта свернул на почти невидимую тропинку, уходящую в сторону от берега, и вскоре его спина исчезла в густых камышах.

Дождавшись, когда поредевший отряд – десятка полтора все-таки потеряли – соберется вокруг него, хан одним движением руки выслал вперед разведчиков. Еще поразмыслив, оставил пятерых прикрывать отход. Остальным скомандовал немедленно выдвигаться. Заняв место в середине строя – так безопаснее, – Аззак продолжил в уме приятное занятие – подсчет барышей, которые он выручит после удачного набега.

Глава 1

– Этот кленисе рубить? – Семка Загоруй сюсюкающий, как многие низовые казаки – черкасины, вытянутый жердиной, упершись длинной рукой в нетолстый шершавый ствол, вскинул вихрастую голову к его вершине.

– Руби, и вот тот, что дальше, тож, – есаул Муратко Рынгач¹⁹, получивший прозвище за крутизну плеч и нрава, из верховых казаков, приземистый здоровяк с густым черным чубом, подсакивающим в такт ударам, с размаху опустил топор на комель другого дерева. – Эх-ма!

Клен вздрогнул, пошатнулся, и илистый берег тихого Дона вздрогнул от падения тяжелого дерева. Вода плескалась отсюда всего в десяти саженьях, казаки потому и выбрали эту диколесную алеваду²⁰, чтобы потом далеко не волочь бревна. К упавшему стволу с топором наизготовку подскочил еще один казак, отправившийся с рыскаателями в ночной поход, Севрюк Ненашев. Перехватив топор, он обрушил его на самую толстую ветку с ногу толщиной. Островерхая шапка тут же сползла на глаза, и он, рывком выпрямившись, кинул ее на уже готовый ствол, где кучковались и остальные головные уборы казаков.

– На... – Аккуратный сочный срез ветки воткнулся в землю. – Ветлеватый порато²¹, ниче, мы тебя трошки окромсаем. – Он снова замахнулся.

Солнце быстро катилось по наклонной к западу, в бескрайние вольные степи. Ноги вязли в мягком иле и грязи, спины в теплых зипунах взопрели и парили на вечернем ветру. Пока приготовили пять десятков стволов, укороченных и обрубленных, и скатили к воде, вывозились, как черти. Быстро перевязали их канатами, и два плота закачались в набегавшей волне. Последний, третий, довязывали уже в густых сумерках почти на ощупь. Костры жечь не рискнули: мало ли кого пронесет в неурочный час по реке. Они могут и не углядеть, а вот казаков у костра будет видно издалика. Для задуманного дела лишние глаза, если они не казацкие, только во вред, и, может, даже вред смертельный.

Три казака, придерживая раскачивающиеся плоты, запрыгнули на шаткие настилы, ваги оттолкнулись от берега. Остальные семеро рыскарей ватаги без суеты, но скоро уселись в тяжеловесный струг. Дружно ударили весла, и лодка потянулась следом за плотами.

Вечерело. По чистому яркому небу на западе растеклись закатные краски. Вода Великого Дона морщилась на ветру, разбегалась мелкими волнами, словно складками на лбу мудрого человека, задумавшегося об устройстве мира. Муратко, зачерпнув в пригоршню зеленоватой водицы, обмыл потное лицо:

– А ведь по времени идем, – он нашел взглядом последний отблеск заходящего солнца, чуть золотивший край противоположного берега, казавшийся отсюда тонкой вытянутой полоской. – Кажись, успеваем.

Мимо, разрезая волны, прострочил бугристый шов ничего не боящийся полхан²². Хлопнув длинным голым хвостом, ушел в глубину. Мелкая рябь побежала под днище переднего плота. Замятно Романов, удерживающий его на тихой прибрежной струе, покосился в сторону нырнувшего зверька:

– Успеваем... не боись.

Постепенно темнело, на глубокий, теряющийся в кустом мраке оком высypали пока еще бледные звезды. По борту струга шоркали толстые былины чекана – шли вплотную к зарослям. У ерика замедлились: где-то здесь должны ховаться в тростнике еще два струга с тремя десят-

---

¹⁹ Рынгач – рабочий вол, сохранивший внешность и свирепость дикого быка.

²⁰ Роша, перелесок.

²¹ Порато – слишком.

²² Речная крыса.

ками казаков. Оставив плоты без сопровождения, задержали лодку на месте, зацепившись за торчащую у ближней заводи карчу²³. Напряженно притихли: «Нет, не слышать». Севрюк, пригнувшись к воде и сложив руки лодочкой, прижал их к губам: по поверхности реки пронесся истошный покрик гагары. Не разжимая ладоней, поднял голову. За камышами раздался ответный крик птицы.

– Есть, – улыбнулся Севрюк.

Через пару мгновений из-за высокого чекана показался плотный в темноте округлый нос струга.

– Ну, где вы там ходите? – Муратко выдохнул облегченно. – Мы уж чего подумали.

– Да куда мы денемси? – полушепотом ответил ему с первой лодки высокий и чуть сутулый атаман Иван Косой. – Отошли подальше в чекан, недалеко какая-то лодчонка подозрительно шастала, похоже, турчата рыбалили, горсть вшей им на загривок.

– Не заметили?

– Не-а. Вовремя смылись.

Лодки одна за другой выплывали на излучину. В полной темноте их мутные силуэты скорее угадывались, чем виднелись.

– Погнали, пока плоты далеко не ушли.

– Ага.

Весла с легким плеском опустились в темные воды, разгоняя хищные тела казацких лодок. Еще минута – и струги исчезли в густеющей ночи. На берег накатилась отходная волна, вторая уже потише. Дождавшись, пока река успокоится, из прибрежной тины выставил острую мордочку полхан. Тихо. Хищный зверек, внимательно принюхиваясь и прислушиваясь, потянул бугристый шов по воде вдоль чекана. Полхан тоже на охоте, и где-то в зарослях притаилась сейчас его законная добыча. Она еще не знает, что обречена. Но ей и не обязательно это знать.

В поход казаки собрались всего за два дня. Разведчики Великого Войска Донского принесли интересную весть. Из Константинополя к Азовской крепости, по их сведениям, что раздобыли у плененного турецкого купца, недавно вышла галера. На судне отправился к устью Дона посланник султана Кудей-паша – известный казачий знакомец. Не раз уже сталкивались на море с его галерой. Но все везло ему как-то. Другие лодки топят и на abordаж берут, а султанский посланец под шумок завсегда ускользнет. А паша для станичников – добыча знатная. И знает много полезного, и стоит не мало. За одного его можно выручить больше, чем за десяток других знатных турок. Рублей пятьсот, это самое малое. В этот раз купец сказал, что турок везет послание наместнику Азова Калаш-паше. Кроме послания, судно под завязку загружено продуктами и золотом – плата янычарам, охранявшим стены когда-то русской крепости.

Вот и задумали казаки перед большим делом пополнить общественную казну, изрядно оскудевшую в подготовительных заботах. И то верно, только одного зерна купить у оскольских, валуйских, курских да белгородских мужиков, считай, треть всех запасов ушла. А металл на подковы, упряжь, котлы, ободы для бочек?.. Столько всяких мелочей понадобилось... Пороха десять тонн заготовили, фитиля тонны четыре. А сколько свинца на пули купили, то и взвесить невозможно, и сосчитать. Старшины, конечно, учет ведут, но тут больше на многолетний опыт полагаются, чем на цифирю.

Да и самого Кудей-пашу добыть перед нападением на крепость – тоже лишним не будет. Его сведения самыми точными и свежими стали бы. А попробует в молчанку поиграть – у казаков есть мастера языка развязывать: под нагайкой любой запоет. А не запоет под нагайкой, так огонь и самого стойкого всяко разговорит.

Огромные Каланчинские башни по берегам Донской протоки выплыли из темноты, как два турецких фрегата. На вершинах за рельефной огорожкой черными горлами уставились в

---

²³ Коряга.

небо грозные пушки. На берегу под стенами высокие костры кидают отблески на каменную кладку. Вокруг притихли нахохлившиеся турки, а их отраженные тени качаются пламенем. Позвякивают три толстые цепи, протянувшиеся через широкую протоку. Донские волны, закованные в железо, тихо шелестят, перекатываясь через них, словно плачут.

– Руби веревки, – Косой, упершись руками в нос струга, отдал команду полупшепотом.

Но его услышали. Глухой удар саблей по веревкам, скрепляющим первый плот, раздался почти тут же. Казаки выбрали на середину поближе к расплзающимся бревнам, весла замерли в черной воде.

До башен не больше двухсот сажень. Атаман вытер слезящиеся глаза – долго всматривался в ночную воду, пытаясь уловить момент, когда бревна достигнут цепей. Больной глаз, наполовину прикрытый наплывшей кожей с виска, после удара турецкой саблей вскользь, вообще не открывался. Но Иван уже привык в сложных ситуациях обходиться и одним глазом. Струг качнулся, и он ухватился за лавку, чтобы не упасть: над бортом показалась мокрая голова Замятно Романова. Несколько крепких рук ухватили его за рубаху и штаны, миг, и казак упал на дно лодки. Струг покачался еще и затих, лишь слегка подрагивая на донской волне. Казаки, подгребая веслами, молча всматривались вперед, в сполохи костров у подножия башен. Иногда там мелькали неспешные тени – турки-охранники уверены, что никто не осмелится и близко подобраться к каланчам.

Жесткий металлический скрежет встревожил ночную тишь: бревна толкнули тяжелые цепи, и они закачались, заскобили друг о дружку массивными звеньями, каждое с голову человека. На берегу забегали, полетели над волнами турецкие крики, вспыхнул огонь на башне, охранники засполюшничали²⁴. Свет факела, отраженного от вогнутого металлического листа, прошил Дон почти до середины. Другой – с противоположного берега – отправил тусклую полосу ему навстречу. Казаки затихли, лишь руки нервно сжимают сабли: не дай Бог, враги что учуют.

Лучи потрогали друг друга бледнеющими кончиками, словно поздоровались, и желтые полосы разбежались в разные стороны. Пусто на реке. Недружный залп двух десятков пушек с башен вспенил темные воды. Глухо пальнули тяжелые мортиры с высоких каменных стен Азова, отзываясь на тревогу у каланчей. Ядра шумно плюхались в реку, летели темные брызги, шипела холодная вода. Казаки напряженно ждали.

– Руби второй, – Иван Косой скомандовал в голос – за таким грохотом туркам его не услышать.

Еще один плот, распавшись на отдельные бревна, отправился вслед за первым. Выстрелы начали затихать, у подножия башен янычары раскладывали новые костры, не надеясь на слабые лучи факелов, продолжавшие шупать темную воду, словно слепец лицо незнакомого человека. Бревна снова толкнули цепи, и они закачались, скрежеща. Вновь замелькали тени у огней на берегу, с башен гроыхнули пушки. Мортиры Азова в этот раз промолчали.

Вскоре казаки отправили по реке и последний, третий плот. Сами тихонько толкнулись веслами следом, саженьях в пятидесяти. И вновь гремели цепи и раздавались залпы, но в этот раз уже редкие, да и факелы лишь махнули желтыми сполохами по воде и погасли – янычарам надоело стрелять по топляку.

Струг Косого резко ускорился, за ним ударили веслами и остальные. Как пули из пищали преодолели расстояние, отделяющее от преграды. На самой середине, где цепи глубже всего погружались в воду, казаки дружно сиганули в темную реку, и тяжелые посудины сразу приподнялись над волнами. Ухватившись за борта одной рукой, второй упруго потянули на себя донскую воду. Приподнявшиеся на пол-аршина струги перемахнули через цепи, опасно царапнув днище и зашумев железными переливами. Пушки промолчали. На одной из башен под-

---

²⁴ Подняли тревогу.

няли фонарь, и луч прочертил прямую линию через протоку. Но чуть-чуть опоздал – лодки стремительно уходили к морю. Первая часть сложной операции прошла успешно.

Глава 2

На море била волна. Струги переваливались с борта на борт, будто пьяные казаки после дружеской попойки. Каторгу посланника собирались встречать подальше от берега, чтобы в крепости не услышали и не пришли на помощь. Пока стояла ночь, собирались пройти как можно дальше навстречу. Рыскари без передышки налегали на весла.

Работа, хоть и утомительная, но привычная, одни казаки подремывали, скрючившись на лавках, другие налегали на весла. Уставая, менялись. Атаман Иван Косой то и дело задира голову, пытаясь высмотреть в ярком небе путеводные созвездия. Ему не до сна, не заплутать бы. По небу гуляли тучки-бродяжки, ненадолго закрывавшие звезды, но Иван держал направление твердо – помогал опыт. Он уже не один десяток раз водил струги по родному Сурожскому²⁵ морю.

Рулевые высились на кормах, словно продолжения лодок. Шли тихо, голоса даже вполсилы чайками разлетаются над ночной водой иногда на версты. Лучше помолчать – живее будешь.

Рассвет застал притомившихся рыскарей далеко от берега. Мелкое море лениво плескалось у бортов. Утро разгоралось туманное и сырое. Густые молочные облака самых разных форм и размеров, словно воздушные корабли, плыли над казачьими макушками, спрятанными в островерхие меховые шапки. Парус нехотя набирал ветра, и струги неторопливо тянулись по слабой волне. Казаки, выставив по наблюдателю на каждый струг, вповалку отдыхали на поперечных лавках и на дубовых щитах, нарочно сбитых для похода, – никакая пуля не пробьет. Турецкое судно ожидали вскорости.

Уставший атаман опустил на перекрытие в носу струга. Туман крепчал, ветер, словно утомившись, затих. Парус обессилено обнял мачту. Утренняя прохлада пробиралась сквозь толстую ткань зипуна, и Иван поежился. «Сколько-то еще ждать? Только бы не ошибиться с направлением, – он оглянулся на придремавших казаков. Муратко во сне откинул руку и тут же, не просыпаясь, ухватил рукоятку пистолета, выглядывающую из-за пояса. – Не, не должен. Искры небесные не обманут, – скинув шапку, он прислушался. – Тихо. Может, якорь кинуть, а то унесет течением, горсть вшей ему за шиворот».

Косой поднялся. Дежурный казак тоже подхватился, улавливая взгляд здорового глаза Ивана. Тот махнул рукой, другой цепляя поржавевший якорь: «Смотри лучше, сам справлюсь». Вода булькнула, принимая металлический груз, струг остановился, разворачиваясь по слабому течению. Атаман поднял руку, призывая взгляды дежурных на соседних лодках. Его увидели, и вскоре с бортов полетели в воду еще два якоря.

Каторга выплыла из тумана, когда солнце уже начало рядить его, а оживший ветерок разбивал молочную завесу на отдельные островки. Остроносая, хищная, с турецким полумесяцем на стяге, она летела на левый борт, словно морской змей, мечтающий проглотить донцов.

Рулевые толкнули в плечо ближайших станичников. Те подскочили, будто и не спали, толкнули товарищей. Пару мгновений, и казаки, молчком протирая глаза, попрыгали на весла. Свободные от гребли, без суеты разобрали щиты. Паруса в тот же миг скинули вниз – при боковом ветре они будут только мешать. Казачьи лодки быстро выстроились дугой, словно сетью охватывая каторгу. Место в середине занял струг Ивана Косого.

– Шибче, шибче гребите! – Иван выпрямился во весь рост на носу. В металлической серьге, с крестиком внутри полукруга, свисающей с мочки левого уха²⁶, блеснул первый луч,

---

²⁵ Азовскому.

²⁶ Серьга в ухе мужчин-казаков указывала на роль и место казака в роду. В левом ухе носил серьгу единственный сын у одинокой матери. Серьгу в правом ухе носил последний в роду, где не было наследников по мужской линии. Единственный

пробравшийся через туман. Одна рука лежала на сабле, вторая сжимала пистолет за поясом. Ему прыгать на галеру в числе первых, как атаману.

Казаки выхватили из-под сидений кошки на веревках, крюки, уперли торцами в дно багры. Семка вытянул из-под лавки завернутую в толстую холстину гранату – ядро с фитилем. Проверив, сух ли шнурок, разложил перед собой бруски кремня. Размашистый крест лег на выглядывающую в разрез кафтана волосатую грудь: только бы не подвел. Случалось, в самые последние секунды, когда смерть приближалась на стремительных крыльях, дрожала рука неопытного станичника, и фитиль не загорался. Тогда амба. Потому гранаты поручали самым опытным бойцам, таким как Семка.

Сосредоточенные лица станичников мягко освещались рассветным солнцем. Деловитые движения, напряженные, слегка прищуренные взгляды – охотники обнаружили законную добычу.

На каторге тоже заметили приближающиеся лодки. Подкрасться втай²⁷ не получилось, но донцы на это и не рассчитывали.

На корабле разгорался сполох. Турки в разноцветных чалмах заматались по палубе, будто мураши в растревоженном муравейнике. Разлетелись над водой гортанные крики. Команды звучали с частотой барабанной дроби. Защелкали глухо, далеко разносясь в утреннем звонком воздухе, кнуты, опускающиеся на согнутые у весел спины невольников. Высокое судно, раза в три выше струга, резко поменяло галс. Развернувшись почти на полный угол, прибавило ходу, намереваясь уйти от казачьего лиха. Но уже и сами понимали – не успевают. Казаки рывками приближались к каторге.

Оставалось саженой пятьдесят, когда корабль вздрогнула всем мощным телом, а его борта покрылись дымными облачками. Через мгновение грохот четырех пушек согнал альбатроса, пристроившегося на верхушке турецкой мачты. Ядра раскидали снопы брызг, не долетев до стругов. Казаки изо всех сил вдарили выгнувшимися веслами по волнам. Лодки словно выпрыгнули из воды. Пока сближались, поднявшийся слабый ветер окончательно раскидал остатки тумана, и казаки отчетливо видели на палубе турецкие чалмы, белые, как снег, и красные фески²⁸, скопившиеся у борта.

Следующий залп пролетел над головами казаков. Один снаряд чуть не сбил шапку на голове Косого. Он лишь моргнул. Рынгач сердито заворчал: «Мог бы и пригнуться, а то до напуска без атамана останемся». Косой не отреагировал.

Казаки спешно подняли дубовые щиты: сейчас начнут палить. И тут же вдарили турецкие самопалы. Кто-то из станичников, не успев спрятаться под защиту, застонал и ничком повалился на дно. Остальные только крепче сжали крюки и сабли. Еще десяток ударов веслами, и Семка Загоруй, потеснив атамана на носу, раскрутил широкими махами кошку. И с первого же раза ловко кинул ее на борт каторги. Почти тут же полетели концы и с других стругов, казачьи лодки прижимались бортами к просмоленным доскам корабля, будто соскучившиеся по ласке щенки к суке.

Затрещали весла, невольники на нижней палубе не успели или не захотели их убрать. Оказавшись в «мертвой зоне», где турки не видели донцов, Семка одним движением кремня запалил фитиль. С соседней лодки первая граната уже летела на палубу. Взрыв, дым, вопли! Откинувшись назад, Загоруй зашвырнул свой снаряд.

Казаки уже складывали из щитов лестницу. Первые рыскари прыжками взбирались друг другу на плечи. Удержав равновесие, замирали, чтобы в следующий момент сигануть на борт. Атаман уже топтал сапогами крепкие плечи Муратко, покачиваясь, как канатоходец. Дымом и

ребенок у родителей носил две серьги. Этот элемент украшения считался оберегом, но в то же время выполнял вполне практическую миссию – командир при равнении строя направо и налево четко видел, кого следует беречь в бою.

²⁷ По-тихому.

²⁸ Азиатский головной убор, византийского происхождения.

языками пламени дыхнул с палубы взрыв «своей» гранаты. Косой, оттолкнувшись от твердых плеч товарища, подпрыгнул. Рынгач мужественно сдержал готовый сорваться с губ матерок. Сапоги атамана с каблуками, синяки точно останутся. Ухватившись руками за борт, Иван подтянулся. Турки быстро оправались от взрывов, уцелевшие выхватывали кривые сабли и ятаганы – длинные ножи с хищным изгибом. Первые веревки, срубленные турками, упали в воду.

– Вресь, туресина, – раскрутив вторую кошку, Семка рывком забросил ее наверх: лодка для удобства чуть отошла от борта, и край каторги висел над головой. – Все равно наса возьмет.

Дернул конец, вроде держится. Ухватившись за него двумя руками, уперся сапогами в доски борта и в три движения взобрался на палубу. Закинув ногу на край, выглянул из-за крайних досок. Увидев выпученные глаза турка и занесенный над ним ятаган, только и успел, что сигануть ласточкой вперед, врезаясь головой в красную от напряжения физиономию врага. Раздался хруст кости, то ли своей, то ли турка, и Семка, подминая врага под собой, повалился на палубу. Краем глаза успел заметить, как следом запрыгнул Муратко.

Где-то здесь уже рубился Косой, но сразу его не увидел. Турок под ним не двигался, и Загоруй резво подскочил. Через борта со всех сторон прыгали остальные казаки, сразу включаясь в рубку. По лицу Семки текла кровь, чья – разбирать некогда. Вытер ладошкой залитые глаза, рука бездумно выдернул пистоль: прямо на него с криком и поднятой саблей летел здоровый турка. Почти не целясь, спустил курок. Пространство впереди затянуло пороховым дымом. Промахнуться с такого расстояния – это надо суметь. Враг, выпустив скользнувшее по палубе оружие, с разгону грохнулся на спину. Прокатившись на лопатках, замер у ног казака. Семка уже смотрел дальше – у будки в центре каторги, потрясая черным чубом и скаля зубы, рубился с двумя турками атаман. В одной руке сжимал саблю, в другой – нож. Загоруй, выхватив из ножен клинок и сделав шаг вперед, как на сборах по тыкке, махнул турку по шее. Рука сопротивление плоти почти не почувствовала – Семке было знакомо это ощущение. Голова упала под ноги и откатилась по неровной дуге. Тело рухнуло в следующий миг. Тут же, проткнутый саблей атамана, рядом свалился второй враг.

Сражение кипело на каждом клочке уже мокрой от крови палубы. Густо тянуло гарью и порохом, где-то в стороне громко тянул одним тоном – молился, что ли? – невидимый турок. Казак крикнул, и молитва прекратилась. Раскатисто звенела сталь, яростно ухали глотки бойцов, кто-то, скорей всего, мучительно раненый, пронзительно верещал за мачтой. Аккуратно опустив на доски очередного мертвого врага, Семка аккуратно развернулся. У противоположного борта трое турок, прижав к самым доскам, свирепо атаковали Муратко Рынгача. Тот отбивался из последних сил. Хотя Семка хорошо знал друга и его приемчики, скорей всего, притворялся. Враг, увидев, что противник слабеет, может расслабиться и без должной защиты кинуться в атаку. Муратке это как подарок.

– А вот сис вам, а не чигу голопузого²⁹, – Семка одним прыжком преодолел расстояние до крайнего врага и, не колеблясь, воткнул острие сабли в дергающуюся спину. Не до благородства – друг в опасности. Выдернув оружие из валящегося турка, он прыгнул вперед. Второго успел прикончить Рынгач, последнего запуганного врага, бестолково закрывшегося двумя руками, рубанули одновременно. И разом развернулись.

Бой затихал. Казаки добивали последние очажки сопротивления. Несколько турок, испуганно оглядываясь, тянули руки вверх. Станичники хватали их за воротники и толкали к корме. Семка знал – пленных брать не будут, места в стругах дай бог чтобы гребцам-христианам хватило, и совершенно спокойно относился к тому, что сейчас должно произойти. Не казаки начали эту войну, а коли так, не взыщите.

– Зря полез, – пробурчал Муратко. – Я бы и сам осилил.

– Это троих-то?

²⁹ Прозвище донцов, живущих выше по течению, от низовых казаков.

- А чего нам трое? Было бы пятеро, тогда бы и подходил.
- Ладно, не жадничай. Куркуль нашелся...
- Сам ты...

У борта, прижимая к груди покалеченную руку, покачивался на коленях знатный турок в дорогом халате, похоже, сам Кудей-паша. Нервно подергивая пустой головой, он искоса поглядывал на возвышающегося рядом Косого. Белоснежный тюрбан, украшенный алмазами и сбитый атаманом, валялся рядом. Предосторожность не лишняя – в его складках можно спрятать не только флакончик с ядом, но и нож.

Иван, приставив к голове пленного пистоль, махал рукой казакам, подзывая. К нему подбежали трое. Он кивнул, указывая на нижнюю палубу. Понятливо качнув головами, бойцы бросились вниз. Там и ценный груз, и невольники, ожидающие от казаков освобождения. Муратко и Семка, не сговариваясь, рванули туда же. Кудей-паша обреченно опустил взгляд.

Простучав чоботами³⁰ по короткой дробине³¹, они оказались в подпалубном помещении. Низкий потолок заставил пригнуться. В полутьме маячили спины других казаков, пробирающихся через поперечные крепления судна. Дохнуло смрадным запахом человеческих испражнений и пота давно немых тел. Казаки невольно задержали дыхание. Грязные невольники, прикованные к низким лавкам, по три с каждой стороны, хватили казаков за руки. Горящие надеждой глаза на исхудавших лицах светились, как угольки, в сумрачном отсеке. Самый крайний – молодой парнишка, худой, с выпирающими ребрами и ключицами, ухватился за рукав Семки.

- Дяденька, отпустите нас. Мы из юртовских казаков, с Дона.

Семка замер, с состраданием рассматривая парня. Широкие когда-то плечи выпирали острыми холмиками костей, обтянутых кожей в струпьях. Пальцы на руках – тонкие и грязные. И сам он, весь перепачканный жиром и каким-то маслом, чуть ли не светился насквозь. Длинный светлый волос падал грязными патлами на лоб. Рядом с надеждой заглядывал в глаза Семке еще один парень, как две капли похожий на первого.

- Идти сможешь? – из-за спины подал голос Муратко.

Парни дружно закивали:

- Идти сможем, если железо собьете, – они слегка приподняли ноги.

На стертых до крови щиколотках звякнуло.

- Вот уроды. А рядом с тобой кто?

- Это брательник мой, сродный.

– А меня, дяденька? – Семку тронул за руку длинный, изможденный невольник. Из-за высохших кровавых корок на скулах и переносице нельзя было определить, сколько ему лет, двадцать или сорок. – Я из белгородских казаков, Космятой меня кличут.

- С лицом что?

– Это его десятник невзлюбил, – пояснил один из близнецов. – Говорил, будто смотрит дерзко.

- И что делал? – заинтересовался Муратко.

- А каждый раз, как проходил, по щекам шалыгой³² хлестал.

Космята не отводил горящих глаз от казаков:

- Ниче, вон он там зараз валяется. А я жив.

– И я жив, – сосед Космяты, тонкий белокурый паренек с впалыми щеками вытер крупные слезы, оставляющие светлые полосы на грязном лице. – Теперича уже не помрем.

- А тебя как кличут? – Семка вопросительно задрал подбородок.

---

³⁰ Вид сапог с коротким голенищем и каблуком.

³¹ Лестница.

³² Металлическая обойма, надеваемая на окончание рукояти нагайки, также служила для удара.

– Дароня Врун³³. Из валуйских мужиков я.

– Ныне слободны вы, – повысил голос Загоруй. – И казаки, и музыки. Воля! Потерпите малость, зараз коваль нас придет, усах от цепей ослободим, – они шагнули дальше.

Вдруг хриплый радостный голос окликнул казаков:

– Муратко! Миленький! – высохший – в гроб краше кладут – невольник тянул к ним руки.

Казаки, не узнавая, всмотрелись в гребца.

– То же я, Путило Малков, из Раздор.

Казаки еще пригляделись. Семка разглядел сквозь полосы грязи сережки с тонкими палочками – висюльками, пометившие обе мочки казака. Невольник улыбался, и только по этой улыбке, когда-то доброй и светлой, да сережкам казаки почти одновременно признали станичника.

– Путило Миленький, ты ли это? – Муратко крепко пожал протянутую ладонь.

– Черти тебя сюда загнали, – Семка хлопнул его по плечу. – И здесь верховые³⁴, никуда от вас не деться.

– Сам ты... сюсюкалка... – Путило хотел еще что-то добавить, но внезапно лицо его сморщилось, и Малков выгнул плечо, удерживая стон. В этот момент он чуть пригнулся, и казаки узрели его спину – излохмаченную засохшей, уже загноившейся местами кожей, торчащей в разные стороны.

– Чего они с тобой делали?

С трудом проглотив ком боли, выговорил:

– Так бегать же от мамайцев пытался, вот и угостили... миленькие мои....

– Ну, потерпи, братишка, чуток, скоро мы тебя вызволим.

– А нас? – один из братьев-близнецов облизнул запекшиеся губы.

– И вас. Всех!

Невольники заулыбались, переглядываясь... Кто-то выдохнул громко:

– Обернулась татарской сволоте наша кровь...

На корме под палубой казаки уже вытягивали из небольшой каморки увесистые тюки, мешки и корзины. У борта валялось распластанное почти пополам от плеча тело турка-десятника. На него не обращали внимания.

– Где Гарх? – Муратко дернул дородного казака, пристроившего на горбе огромную корзину с сухими лепешками, за руку.

– Наверху видал. Рундук в капитанской каюте ломать хотел.

Муратко кивнул Семке:

– Сходишь?

– Ага, – прихватив пару кулей потяжелей, он побрел между накиданным в беспорядке добром к лестнице.

Народ толпился у каюты на носу судна. Несколько казаков, ухватив за ноги и за руки, подтаскивали побитых турок к борту. Двое других раздевали и скидывали нагие тела в кучу. Все одно галера скоро пойдет ко дну, превратившись одновременно и в гроб, и в саван для погибших моряков. А турецкая одежда казакам еще пригодится. Хотя бы гребцов одеть. Сейчас их «наряды» больше на лохмотья похожи, да и завшивели крепко. В таком виде приводить освобожденных невольников на Дон не годится. Еще трое воинов окружали кого-то невидимого из-за их спин.

Вздыхнув всей грудью свежего морского воздуха, пропитанного бодрящими для воина слегка сладковатыми испарениями вражеской крови с горячей палубы, он оглянулся. Что-то

---

³³ Врати – шептать заговоры, врун – колдун, чародей.

³⁴ Имеются в виду жители верховый Донских станиц.

дымило в носу судна, то ли фонарь с маслом разбился, то ли еще что. Зацепившись ногой за веревку, название которой сухопутному Семке было неизвестно, покачивался вверх тормашками турок с половиной головы и оголенным месивом мозга.

Остальные казаки шныряли по палубе, собирая оружие, тягая мешки. Чуть не поскользнувшись на залитых кровью досках, Семка пробрался к народу. Заглянув через плечо крайнего казака, углядел знахаря Бортко. Тот, прижав коленом грудь Замятно Романова, осторожно перерезал мышцы его голой груди. Замятно морщился и свирепо стискивал зажатую в зубах палочку: знахарь вытаскивал пулю, засевшую над левым соском. Несколько казаков крепко прижимали его руки и ноги к доскам.

Обогнув их, Семка спустился по ступенькам в каюту. На полу, скрестив ноги и баюкая руку, раздробленную кистенем, раскачивался знатный турок. Напротив возвышались Иван Косой и старшина Головатый Фроська.

– ...это понятно, – услышал Загоруй окончание фразы, сказанной по-татарски Иваном. – Ты говори, ждет ли султан нападение на Азов, готовится ли?

Семка прислушался. Кудей-паша, звучно сглотнув комок в горле, тихо ответил:

– Султан не верит, что казаки рискнут напасть на такую грозную и хорошо защищенную крепость. О том же ему говорит и Калаш-паша, – он всмотрелся в лица казаков и даже перестал раскачиваться. – А вы что, и правда собираетесь на Азов?

Косой промолчал, а Фроська извлек из-за пояса саблю:

– Так точно, собираемся. И совсем скоро. Потому как Азов – казачья крепость. Ее тьмутараканские князья укрепляли. Потом наши предки много столетий с ее стен выход в море для Руси стерегли. А вы, османы, вообще самыми последними здесь заявили. Так что не сомневайся, возьмем и всех перережем вот этими вот руками, – он потряс здоровым кулаком с зажатой в нем саблей перед носом скосившего глаза турка. – Всех, кто там прячется, – и янычар, и купцов, что людьми, как репой, торгуют, порешим. А всех пленников – братьев и сестер наших, которых, слышали мы, в крепости больше двух тысяч, – ослободим.

Кудей-паша покосился на атамана:

– Неразумные казаки. Куда вам против стен Азова? Они выше ваших дубов, крепче ваших лбов. Саблями его не взять, а окромя них у вас все одно ничего нету.

– Посмотрим, – Косой кивнул старшине. – За борт Кудея, – и развернулся, выходя из каюты.

Старшина удержал его за руку:

– А может, выкуп возьмем? Не лишним золото будет.

– Поздно. Не успеют бусурманы расплатиться, мы вперед на Азов пойдем – не до того ни им, ни нам станет.

Головатый склонил голову, признавая правоту атамана. Кудей, сжимая губы, продолжал баюкать руку, словно не его судьба решилась только что. Оглядев внимательно сумрачную каюту, Семка только тут заметил в углу коморки коваля Гарха Половина, собирающего инструмент в кожаную крепкую суму. Рядом, скинутый на пол, валялся тяжелый и пустой металлический ящик.

Семка посторонился, пропуская старшину, шагавшего не глядя по сторонам и поддерживавшего под руку пашу. Тот не сопротивлялся, лишь, опустив глаза, что-то наговаривал побелевшими губами, наверное, молился.

Загоруй окликнул Гарха. Кинув последний молоток в суму, Коваль поднял голову:

– Чего хотел?

– Там внизу невольники цепями прикованы, ослободить надо.

Он закинул сумку на плечо:

– Я и сам туда собирался. Скоко их?

– Голов двадцать будет.

– Да... Долго возиться.

Пропустив коваля вперед, Семка следом поднялся на палубу. Казаки грузили последнее трофейное добро в струги. Бочки с порохом, селитрой и дорогой посудой спускали на веревках, мешки с продуктами, тканями просто перекидывали через борт. Три тела, завернутые в парусину, рядом лежали у мачты. Их тоже возьмут с собой. Семка еще не знал, кто погиб при захвате каторги, но про себя отметил – не очень удачно вышло: троих потеряли.

Муратко встретился у лестницы на верхней палубе. Вместе с Севрюком он толкал перед собой тяжеленную пушку к борту.

– Помоги Гарху, – обернулся он с перекошенным от напряжения лицом. – Мы тут уже заканчиваем.

Казаки спустились на нижний уровень. Опять ударил в нос тошнотворный запах. Гребцы, как один, обернулись. Оглядев ряды терпеливо ожидающих освобождения невольников, Коваль покачал головой:

– Это ж надо, во что людей превратили, – скинув сумку, порылся в ней. На свет появилось аршинное зубило. Гарх поднял инструмент, деловито разглядывая. Второй рукой вытащил тяжелый молот. – Жаль, одно зубило, быстрее справились бы. Подставляй железо.

Первый невольник, с радостью задрал ноги, кинул цепь, соединяющую ножные оковы, на поперечную балку. Семка, отворачивая нос, придержал ее. Пленный, словно извиняясь за причиненные неудобства, стеснительно улыбнулся.

– Скользя, гадина, – Гарх приставив зубило к ржавому звену, размахнулся.

«Бах», – железо лопнуло, и струящаяся цепь потянулась, словно змея. Гребец медленно разогнул затекшую спину.

Провозились долго. Уже проводили на палубу еле передвигающегося Путилу Малкова. Уже два раза сверху заглядывал Косой и, покачивая сережкой в ухе, обеспокоенно интересовался, скоро ли закончат. Семка уже утомился наклоняться у каждого гребца. Особенно донимал запах. Он уже не раз и не два забирался на нижние палубы захваченных турецких галер, и каждый раз будто заново изумлялся царящим здесь запахам, в которых, казалось, жить невозможно. Но они жили! И ели, и спали, справляя под себя естественные надобности! Так было заведено на всех турецких галерах. Наверное, с точки зрения османов это было оправдано – не расковырять же каждого, кто захочет до ветру? Но казаки, своими глазами наблюдавшие отношения турок к рабам, в основном братьям-славянам, ненавидели извечных врагов еще крепче, до зубовного скрежета, до белой ярости в глазах. Еще после первой своей галеры, одуревший от удушающих «ароматов» и вида изнуренных до полусмерти гребцов, Семка Загоруй решил: если у него будет возможность выбирать между смертью и пленом, он выберет смерть.

Лишь где-то к середине работы он понял, что начал понемногу привыкать к вони и к виду истерзанных русских тел. Гарх тоже морщился, но терпел молча. Хорошо, цепи на кандалы ставили не толстые, и они сбивались одним крепким ударом.

Братья-близнецы, освободившись, предложили казакам свою помощь, но Семка решительно отправил их наверх – и так тесно, да и зубило у Гарха только одно. Наконец, последний невольник, скинув звякнувшие оковы, медленно побрел к лестнице.

– Ну, слава Богу, справились, – Половин быстро закинул инструмент в суму, и Семка быстрым шагом направился следом за ним к выходу.

Над головой плыли туманные облака, закрывая чуть просвечивающееся сквозь них солнце полупрозрачной пеленой. Порванный парус громко хлопал на ветру, словно стрелял пистоль. Палуба опустела, только лужи крови и раздетые трупы татар, сваленные в кучу, свидетельствовали о гремевшей недавно битве. Семка продышался, выгоняя из легких запах человеческих испражнений. Увидев казаков, замахал рукой, поторапливая, перебросивший одну ногу через борт Косой.

Только казаки спустились по веревочному трапу в струг, как последний казак – Ратка Иванеев – выскочил из трюма каторги, словно ужаленный. Глухо протопав по скользким ступеням, бегом бросился к борту. Ему помогли спуститься, и несколько багров тут же оттолкнулись от судна.

В струге стало тесно. В носу высилась горбом наваленная куча трофеев и одна самая маленькая пушка, на корме в ногах у рулевого разместили еще две более тяжелые пушки, рядом выстроились ящики с ядрами. Невольников распределили по лодкам, и они, полураздетые, в разодранных рубахах и в штанах с огромными дырками, изможденно улыбались казакам, еще не веря в освобождение. Здесь же восторженно оглядывались, стараясь не мешать рассаживающимся казакам и стесняясь собственного запаха, юртовские близнецы.

– Ну, чаво? – Иван Косой, рассевшийся на мешках с зерном, оглянулся с носа лодки. – Проковырял?

– Готово. Оседают.

Все обернулись, даже гребцы ненадолго перестали работать веслами. Каторга медленно погружалась. В отверстие, пробитое Раткой, сейчас хлестала морская вода. Судно уже оседало на корму.

Казаки скинули шапки, провожая вместе с уходящим под воду кораблем и своих погибших товарищей, оставленных на палубе. Таков обычай. У погибших в море – водяная могила.

– Ну, будя, – скомандовал Иван, – царство небесное казакам нашим. Поднажмем, ребята. К вечеру надо быть на Дону.

Шапки вернулись на головы, и весла с силой ударили по волнам. Казаки кинули парус. Слабый ветер хоть немного, но помогал гребцам. Струги быстро набрали ход.

Казаки спешили и без понуждений атамана. Все понимали, как важно скрыться в прибрежных лиманах с добытым в бою товаром. Любой залетный турецкий корабль легко вычислит по добру и освобожденным пленникам в лодке, зачем казаки выходили в море. И тогда уже не отстанет, пока не погибнет сам или не уничтожит струги.

Разогнавшиеся лодки летели над зелеными волнами, словно хищные чайки, высматривающие добычу в пенной воде. Семка, вместе с другими казаками махая веслами и раскачиваясь на лавке в такт движениям, думал, что струги их братьев-запорожцев – «чайки» – не случайно назвали в честь этих морских птиц. Казаки точно уловили схожесть и характер.

В походе гребли по очереди, от этой работы был освобожден разве что атаман, устроившийся сейчас на носу в обнимку с турецкой пушкой. Разжиться артиллерией перед походом на Азов – это удача! «Верно говорил собака Кудей-паша. Мало у казаков артиллерии. А та, что есть, не возьмет толстых стен Азова, калибр не тот. Но вот если все в целом взять: казачью смекалку, а про нее у татар сказки детям рассказывают, умение воевать, тут никто не поспорит – любой враг знает, как крепка сабля в казачьей руке. А это хоть где полезно – хоть в поле, хоть на зубцах крепости. Да пушки, какие есть, все рядом выстроить, да еще тугой опыт того же деда Черкашенина, что помнит, как казаки помогали Ивану-царю Казань брать. Все это вместе и поможет вражину одолеть», – незаметно кивнув своим мыслям, Иван поднял глаза.

По холодному небу бродили стаи потрепанных облаков, постепенно собираясь в огромные темные войска. Солнце пряталось за их непроглядными щитами, ветер холодил вспотевшие бока. Брызги волн, разрезаемых форштевнем, долетали даже до кормы. Волнующееся море все выше подкидывало перегруженный струг. Погода портилась, казаки с тревогой всматривались в чернеющее небо. Атаман, прикинув скорость лодок, надеялся, что успеют достичь мелководья до того, как буря разыграется в полную силу.

Есаул Рынгач, поежившись, вытер ладонью соленые капли на загорелой шее и вытянул из-под банки³⁵ мешок с трофейными продуктами. Заметив, как некоторые освобожденные

---

³⁵ Лавка на судне.

невольники сглотнули слюну, улыбнулся. Крепкие пальцы ухватили завязку. Быстро распотрошив турецкий мешок, он разложил рядом гору черствых кусков. Невольники как один устали на хлеб, блестя голодными глазами. Татарчонок медленно вытянул руку к ближайшей лепешке. Один из близнецов также неспешно перехватил ее и вернул на место. Тот, по-птичьи дернув шеей, сглотнул.

Рынгач, прижимая к груди, разломал хлеб на скибы³⁶. По одному бережно раздал в протянутые руки бывших невольников. Гребцы хватали жадно, еле сдерживаясь, чтобы не проглотить зараз. А потом, смущенно поглядывая по сторонам, быстро жевали. Близнецы и тут выделились. Семка заметил, как они, выпрямив спины, неторопливо приняли хлеб из рук есаула и как медленно двигались челюсти, тщательно прожевывая каждый кусок. Можно было только представить, каких усилий стоила им эта неспешность.

Заметив, как едят их товарищи, несколько казаков устыдились собственной поспешности. Космyata, Семка запомнил его по разбитому лицу, и еще один парень, высокий с впалыми щеками, стеснительно поглядывая на соседей, сдержали себя. Теперь они ели медленно, стараясь сохранить каждую крошку в ладони. Про себя Семка хмыкнул: «Гордые ребята. Наша, казачья порода». Доев, первые пленники попросили пить. Есаул вытащил из-под перекрытия на носу курдюк с водой.

Семка, выбирая моменты между гребками, окликнул близнецов:

– Эй, юртовские.

Оба обернулись с полными ртами:

– Ты нас, чо ли?

– Вас, вас, кого же еще? Чьи вы да откель будете-то, парни?

Они переглянулись, словно взглядом договариваясь, кто будет отвечать.

– Лукины мы, – ближний закинул слежавшуюся прядь волос назад. – Я Валуи, а брат – Борзята, низовые мы.

Загоруй усмехнулся:

– Быстрый, сто ли?

– Ага. Он быстрый, я сильный.

– Быстрый и сильный, как вы в полон-то умудрились попасть?

Разговором заинтересовались остальные казаки. В струге стало тихо, замолкли товарищи. И даже Косой вытянул шею с носа струга, прислушиваясь.

Валуи прожевал кусок лепешки, ладонь тыльной стороной вытерла губы:

– Дело нехитрое. По осени, пол-лета тому назад мы рыбу с братом промышляли на ерике. Поутру сети ставили, пару волоков кинули, а тут ногаи и налетели. И всего было-то их человек десять, но отбиться не смогли. Трех насмерть положили, еще троих поранили. Кому бошку пробили, кому руки поломали, но все равно повязали. Оружия-то у нас с собой не было, только весла. Ну, избili они нас в отместку за своих. А после привязали к хвостам конским и потянули. Падали несколько раз, а они, гады, все равно тянули, не останавливались. Кожа вся послезла, пока до юрта добрались. А потом уже увидели – наших много захвачено. Хутор подчистую вывели. Мать увели, брата Василька, ему всего 11 лет было, сестру Красаву, – он грустно улыбнулся. – Она, и правда, очень красивая. Эх, где они нонче?

– Да, – крикнул Семка. – Как говорится, хочес покою, готовься до боя. Не повезло вам.

– А как же вы их так близехонько подпустили? – подал голос атаман.

И все разом оглянулись на бывших невольников. И даже их товарищи по несчастью перестали жевать.

Валуи попросил бурдюк с водой – в горле пересохло. Пока он пил, продолжил Борзята.

---

³⁶ Куски хлеба.

– И у атамана не две головы. Предали нас, наверное. Иначе не пришли бы к нам на Остров.

– Предателей в казаках нет, – сурово нахмурился Косой.

– А был у нас один – не казак. Семен. Давеча ушел он на охоту с товарищем. А апосля мы его с ногами увидали. Будто друзья его.

– Кубыть³⁷, через него ногаи переправу нашли, – поддержал брата Валуй.

– Да, бывает, пригреешь на груди змеюку... Тезка, блин... – Семка опустил голову, но тут же черный чуб вскинулся, в глазах мелькнуло неудовлетворенное любопытство. – Ну и со дальсе-то?

– А дальше привезли нас в Трапезунд, – второй близнец – Борзята – передал бурдюк в протянутые руки. – Выставили на торги, как рухлядь³⁸ какую-нибудь. Вот этот Кудей и купил. Перевез в Османию. Рядом с Царьградом жили, в шалашах камышовых. Охраняли стражники и иной раз янычары. Эти звери, хоть и нашего вроде роду, славянского, совсем замороченные. Чуть что не по-ихнему – сразу в зубы. Дров не давали, рогожу дырявую кинут укрыться, да и ладно с нас. А кормили – скиба лепешки да кружка воды на день. Если бы не местные одноверцы, что иной раз подкармливали, совсем худо стало бы. Только если на галере выходили, тогда целую лепешку давали – совсем без сил много веслами не намашешься. Понимали. А как покажется им, мол, слабо налегаешь, так шелепугой³⁹ по спине. Уже всю зиму мы на его галере, словно собаки цепные.

– Эх, миленькие, – подал голос до этого тихо улыбающийся Путило. – Как же хорошо, что вы нас освободили. Дома родные, поди, поминальную отпели.

– Да ну, кто же живого человека отпевать будет, – Муратко покосился на изуродованную спину казака.

– Так они, поди, думают, я мертв.

Косой возмутился с носа струга:

– Ты же знаешь наш обычай – пока не похоронили, никто тебя в мертвецы не запишет.

Путило обернулся:

– Да? А ведь верно, я и забыл...

Он замолчал. Притихли казаки, задумавшись. Поскрипывали весла в уключинах. Разбежавшийся струг подпрыгивал и качался на волнующихся сурожских волнах. Послеобеденное солнце пробилось, наконец, сквозь толщу разбежавшихся облаков, и сразу нагрелись взопревшие спины. Казаки зажмурились от удовольствия. Атаман облегчено перекрестился: «Слава Богу, не заштормило, услышал Господи наши молитвы».

– Слышь, други, – он повернулся к сидевшим в середине судна невольникам. – А еще кто тут есть, из каких краев?

Борзята склонил голову, разглядывая товарищей по полону:

– А кого только нет. Собры есть, хрваты, валахи – трое, – бывшие гребцы по очереди склоняли грязные чубы. – Татарчонок один даже затесался, – из середины вскинулась смуглая рука. – Ну, и наши мужики – из Белой Вежи, Хотмыжа, Белгорода, Валук. И мы – казаки донские... Домой едем!

– Да, домой, миленькие, домой! – выдохнул Путило с таким облегчением, что казаки заулыбались.

После обеда ветер сменил направление и потянул точно к берегу, будто помогая казакам, выполнившим богоугодное дело. Три струга, выстроившиеся рядом, быстро приближались к

---

³⁷ Кубыть – должно быть.

³⁸ Вещь.

³⁹ Кнут.

устью Дона. Даже капризная волна перестала захлестывать в нагруженные суденышки. Можно было бы сушить весла, но атаман молчал.

Незадолго до появления на горизонте полосы суши казаки, ожидающе поглядывая на Ивана, поменялись на уключинах. Ждали, атаман даст слабинку, позволит сбавить ход. Умаялись же. Но Косой словно не видел и не понимал их взглядов. Прикидывал оказаться на земле с первыми сумерками, а значит, нужно торопиться.

Посоветовавшись с есаулом и старшиной, решили, что обратно, дабы не рисковать невольниками, богатой добычей да большей частью рыскарей, пойдут пешим ходом в обход крепости вместе с пленниками. С собой договорились захватить хабара⁴⁰, сколько могут унести, главное – золото, позвякивающее в крепком, увесистом мешке. Освобожденные гребцы помогут унести товар. На стругах оставят по четыре человека, им прорываться к Черкасску другим ериком, не так давно прорытом казаками для выхода в море, по темноте. Без отвлекающих бревен пробраться в тай старым путем обратно почти невозможно. В той протоке, хоть и нет цепей, но узкое русло охраняет постоянный гарнизон. Проскочить мимо него ничем не проще, чем мимо башен. Надеялись, как обычно, на неожиданность и на невнимательность под утро охранников-янычар. Да на казачьего Спаса. Пока Божья сила благоволила рыскарям. Вон, даже погода утихомирилась, как по заказу.

Вскоре в легкой темноте, сгущающейся у берега, появились первые заросли чекана. Иван направил свой струг в самые густые плавни. На остальных лодках, сообразив, что задумал атаман, тоже повернули рули.

Выгружались уже в полной темноте. Одним из первых на берег донской протоки выскочил Путало Малков. Вытирая ладонью еле зы, доковылял до речной воды. Не обращая внимания на суетящихся вокруг казаков, опустился на колени. От реки донеслось: «Миленький ты мой...» Немного в стороне к воде спустились братья-близнецы и еще несколько пленников-донцов. Вразнобой, не глядя друг на друга, присели у воды. Семка кинул мешок с чем-то тяжелым на освобожденный от камыша пятачок, до ушей долетел нечаянный обрывок фразы Путилы: «...думал, уж никогда тебя не увижу больше, Дон Иванович. Счастье-то како...» Засмущавшись, словно подслушал что-то тайное, интимное, Загоруй поспешил к стругу за следующим мешком.

Разгрузившись, освобожденные невольники, вздрагивая и поеживаясь, дружно вошли в холодные воды Дона. Скидывая грязную одежду, приседали и фыркали, как молодые жеребцы. Близнецы ладонями поднимали со дна ил, натирая себя докрасна. Космята, как погрузился по ноздри, так и плавал, словно индийский зверь бегемот. Путила сел на мелкое и, очутившись по пояс в воде, шаркал по коже рук размоченным камышом. Татарчонок, наклоняясь, прятал лицо в реке, а выныривая, как коренной житель степного Крыма, не умеющий плавать, пошатываясь, вытирал глаза кулаками. При этом чуть повизгивал от удовольствия. Атаман остановился у воды:

– Вы там того, хлопцы, потише. Вечер, воздух гулкий.

Устыдившись, бывшие гребцы вняли предупреждению. Чуть погодя, начали выбираться на берег. Иван Косой, разглядев, что почти все выходят из воды в чем мать родила, ухватил мешок с одеждой побитых турок. Задрав выше головы, вытряхнул содержимое на траву.

– Налетай, народ. Голяком долго не протянете. Зябко ишшо.

Гребцы без возражений разобрали одежду.

– Ничего, что в дырках, да рудой⁴¹ политая, – за всех высказался Путало. – Зато не замерзнем теперича.

Дароня Врун остановил руку Космяты, пытавшего отодрать коросту с лица:

⁴⁰ Пожива, добыча.

⁴¹ Кровью.

– Заразу занесешь, потерпи.

Тот вяло отмахнулся, но отдирать перестал.

– Сил нет, чешется.

– Чешется, значит, заживает. Давай пошепчу, быстрее пройдет.

Космята обреченно вздохнул:

– Добро, шепчи уж.

Парни привыкли к волхованию Дарони еще по плену. Врун знал массу заговоров, и, что удивительно, они помогали.

Охотников рискнуть пробраться мимо турок на стругах оказалось больше, чем требовалось, и атаману пришлось выбирать самому из числа добровольцев. В струг перетащили и раненого Замятно Романова – он тихо постанывал, не приходя в сознание. Отправиться дальше водой выпало и Муратке. Без лишних слов – не первый раз по острию сабли проходить – простились с товарищами. В густой темноте недалеко до полночи два отряда разошлись.

Глава 3

Отряд рыскарей вместе с освобожденными невольниками добирался до Черкаска четыре дня. Дошли бы и быстрее, но задерживали ослабшие гребцы. Некоторые не то что груз тащить, себя-то еле волокли.

По ночам таились в густых зарослях чекана. Обходились без костров – вокруг рыскали ватаги ногаев и татар. И хоть самих врагов не встретили, но свежие следы их неподкованных лошадей, спускающихся к берегу напиться, видали часто. На последнюю ночь остановились на окраине старого казачьего городка Сергеевска, в прошлом году полностью разоренного татарами. Вражеская сотня, воспользовавшись отсутствием большей части станичников, отправившихся на стругах рыбалить, повязала пять десятков сергеевцев, в большинстве женщин и детей. Самых малых и старых, по обычаю, зарубили, навалив на майдане гору распластанных тел. Пока весть дошла до станичников, пока мчались, загоня лошадей, татары успели отступить с полоном в Азов, укрывшись за его толстыми стенами. Казаки только зубами скрежетали в ярости, бессильно кружа вокруг закрытых ворот крепости под насмешками янычар, выглядывающих из башен.

Ночь выдалась тихой. Ущербная луна казацким стругом бесшумно скользила по небесной реке. Черный, пожженный городок густо темнел в ночи поднимающимися к звездам скелетами обгорелых балок – остатками куреней и сараев. Страшная картина разорения действовала на ребят угнетающе.

Из прибрежных зарослей то и дело доносился писк зазевавшейся птицы, попавшей в лапы камышовому коту или хорьку, оттуда же набрасывались на замученных казаков полчища первого самого голодного комарья. Станичники, выставив караулы, спали вполглаза. Хоть и вымотались за переход, но родные курени дымились-то почти по соседству – завтра рассчитывали оказаться там, вот и не спалось. Еще и тварь мелкая лезет, не укроешься от нее.

Дароня, давно потерявший надежду заснуть, усаживаясь, задел локтем недвижимого Борзята. Тот резко поднял голову. Узнав товарища, зевнул:

– Чего не спишь?

Парень шмыгнул. Размазывая сопли по щеке, обронил:

– Своих вспомнил.

Борзята вздохнул. Плотней запахнувшись в зипун, тоже присел рядом. Лениво била о глинистый берег волна, жужжали невидимые комары. Покряхтывая, поднялся Валуй. Отойдя в сторонку, развязал пояс, зазвенела в камыши тугая струя.

– Хоть бы уже утро быстрее, что ли, – Космята Степанков ладошками растер лежалые полосы на лице. – Совсем сна нету.

– Это комары, сволочи. Совсем нух где-то дели, – татарчонок подтолкнул под себя полу татарского малахая, нашедшегося среди турецких вещей. – Не видят, мы худые, невкусные. Кровь совсем чуть.

Его никто не поддержал, и татарчонок, уставившись в чуть поблескивающее под луной полотно реки, нахохлился воробьем.

– А я вот, казаки, думаю, как мстить гадам буду. Потому и не сплю, – слова Дарони прозвучали жестко. – За всех своих. За мамку, бату, младших. Всех же порешили.

Валуй улегся на старое место, оттуда донесся густой голос:

– А ты саблей-то махать умеешь, вояка?

Парни притихли, ожидая ответа, но Врун сказал не сразу. Помолчав, выдавил с усилием:

– Научусь. Спать, есть не буду, а освою. И саблю, и ружжо.

– Ты ж из пахарей, какая тебе сабля, – невидимо усмехнулся Космята. – В заговорах ты мастак, слов нет. А тут сабля! Это тебе не кровь остановить.

– А руду заговорить – то тоже дело немалое, ежели на войне, к примеру, – заступился за друга Валуи. – А саблей и верно, научиться можно.

– Ежели за своих родичей, то я их и зубами грызть могу, – Борзята вытянул в темноту сжатый кулак. – Вот у меня скоко на них злобы. На десятерых хватит.

Валуи, вздохнув, кинул в реку кусочек подсохшей глины, звонко булькнувшей у берега. Татарчонок, спасаясь от комаров, натянул на голову малахай. Дароня громко шмыгнул. Космята положил ему руку на плечо.

– Мы им отмстим. За все...

Засопел, переворачиваясь на другой бок, придремавший по соседству казак, зашуршала сухая прошлогодняя трава под ногами караульного неподалеку, обиженным ребенком крикнула в черных, покачивающихся камышах ночная птица. Парни, вздыхая, по очереди кидали камешки в воду. До утра так и не уснули.

На зорьке начали собираться. Атаман поторапливал, намереваясь нонче к вечеру добраться до Черкаска. Разбирая мешки и подставляя натруженные спины под тяжелые тюки, приготовились уже двигаться дальше, как Иван Косой, тревожно всматривавшийся из-под ладони в ленивые волны Дона, вдруг зычно скомандовал погодить. Казаки, не понимая, чем вызвана задержка, недоуменно оглядывались. Покидав груз под ноги, сгрудились на берегу.

– Никак плывет кто-то? – Гарх приблизился к Ивану. – Не понять, кто...

Косой прищурил здоровый глаз, пытаясь разглядеть, что там на воде. В бледном сумраке утра на горизонте, слегка раскачиваясь, к берегу быстро приближались выраставшие в струги точки.

Косой оглянулся:

– Так, станишники, на полусогнутых, врыски по кустам и мешки туда же. Неведомо кого несет, горсть вшей им на загривок...

Вопросов не задавали. Близнецы упали в камышах недалеко от остальных. Рядом присели на корточки два крепких, напряженных, как согнутые березки, казака в турчанских кафтаных. Они разглядывали приближающиеся посудины, слегка вытягивая шеи.

– Кто же это по нашу душу, а, Михась? – один снял шапку с черным верхом и вытер вспотевший лоб. – Неужто турки что пронюхали?

– Не похоже, Ратка, – второй, устав сидеть на корточках, опустил на колени. – Наши-то, кажись. Что ериком пошли. Ну-ка, черкасины, гляньте, – он тронул Валуя за плечо. – Вы молодые, глаза должны быть острые, как у букута⁴².

Валуи выглянул повыше. За ним приподнялся Борзята. Он первым же и подал уверенный голос:

– Наши это, точно! Струги, что в обход пошли.

– Вообще-то не тебя спрашивали, – беззлобно уточнил Валуи.

– Тебя пока дожدهшь...

– Не брешешь? – Михась, тем не менее, поднялся во весь рост. – Почему-то два токо, а третий где?

– Зараз скажут!

В камышах поднимались и выходили к воде остальные казаки. Вскоре уже все узнали сидящих в лодках товарищей. Наконец носы стругов мягко ткнулись в топкий берег. Несколько пар рук помогли соскочившим в воду казакам подтянуть посудины повыше.

Муратко – старший из прибывших станичников – невесело подтянул красный кушак. Шагнул к стоящему на пригорке Косому, коротко доложил:

– Не сберегли мы наших друзей, побили струг турки.

– Как же так? – Иван потемнел глазами. – Говори.

---

⁴² Беркут, орел.

Муратко оглянулся на понуро опустивших головы товарищей:

– Тот струг последним шел. Приотстал малость. Говорил же Севрюку, чтобы все рядом держались. Нет же.

Видать, кто-то из мамыцев голову поднял да углядел нас в тумане. Ну и поднял тревогу. Мы-то проскочили – не погнались они, а тех, остальных, из самопалов расстреляли. И Замятно там остался. Не знаю, жив ли? Так струг и уплыл назад, к морю, без руля и рулевых. Турки, поди, перехватят ниже, – Рынгач, опустив голову, утопил пальцы в густом черноватом чубе. Кто-то тронул Муратко за рукав.

– Нет твоей вины в том, – старшина Головатый смотрел на донские волны. – Мы на то и рыскари, знали, на что идем. Не было среди нас подневольников, сами вызвались.

Есаул вздохнул:

– Так-то оно так... а все же...

Иван Косой встряхнулся, отгоняя ненужные сейчас горестные мысли:

– Казаки, грузись в струги. Апосля вздыхать будем. Дальше Доном пойдем. А за товарищей мы еще отомстим. За всех гуртом.

Зашевелился табор, заторопились казаки. Ухватив тюки и сапетки⁴³, мигом покидали в родные струги. По воде – это не пешими через чекан и лиманы тащиться, от комаров да от татар увертываясь. Повеселели донцы.

Семка отобрал огромный тюк с тряпьем у Борзяты и Валуя, тянувших его волоком:

– Ну, доходяги, куда вам? Лядунку мою унеси, и то, поди, тасько будет, – он протянул Валуя сумку для патронов.

Тот, без возражений ухватив лядунку, нехотя поплелся следом за здоровым казачиной:

– Ниче, малость отъемся – не узнаешь меня...

– И меня, – поддержал брата Борзята.

– Ха, если отъедитесь, я сам вас нагрузу побольше этого.

Косой последним перебрался через борт, прозвучала команда на отплытие. Затрепыхались паруса на невысоких мачтах, ловя утренний ветер, свежие казаки, заменившие у бортов уставших товарищей, дружно ударили бабайками⁴⁴. Струги, медленно разгоняясь, двинулись против крепкого течения.

К Черкасску подошли в ночь. На берегу, словно ожидая их прибытия, качались отблески двух костров. Рядом никого не видать, похоже, полуношники – мальчишки городка, услышав подозрительный шум на реке, мигом попрятались, словно и не сидели только что у огня.

– Эй, – окликнул их Семка, – помоснички, едрить васу. Встречай рыскарей с добычей.

Косой слегка присвистнул, подавая сигнал караульщикам на крайней башне, выходящей к реке. Там вспыхнул факел, и их окликнули:

– Кто такие? Косой, ты, что ли?

Иван выпрыгнул из струга на землю:

– Знамо, я. С товарищами. Буди атаманов, добычу принимать будут.

– Это я зараз, – освещенная факелом голова на башне дернулась и исчезла.

Казаки, не опасаясь намочиться, быстро попрыгали в воду – дома почти, у родных очагов обсушатся. Навстречу им из камыша уже выходили осмелевшие казачата:

– Дядя Иван, побили турок? – к ним приблизился паренек лет двенадцати.

За ним ковылял мальчонка поменьше. Оба остановились, с любопытством разглядывая товар, выгружаемый на берег.

– Богато взяли!

– А то! – Муратко пригляделся к старшему. – Никак, Иван, Рази сын?

---

⁴³ Корзины.

⁴⁴ Весла.

– Ага. А это Степка, брательник мой.

Белобрысый мальчонка, засмущавшись, ковырнул ногой, показав затылок с хохолком.

Муратко, хмыкнув, взъерошил его шершавой ладонью:

– А Егорка не с тобой?

– Со мной, а как же. Мы тут раков ловим.

Из темноты, услышав знакомый голос, степенно выступил высоченный стройный парнишка, ненамного старше Ивана.

– Батя, ты? – ломающимся голосом уточнил он.

– Знамо, я.

– Здорово, – слегка смущаясь посторонних, парень обнял отца.

– Здорово, сына. Видал, скоко мы родичей ослободили, – он махнул рукой на неловко столпившихся бывших невольников. – Надо их на ночь разместить, но сначала покормить – голодные.

Косой, скинув с плеч тук, остановился около отца с сыном:

– Веди их в курень гостевой, Михайла Иванов в городе?

– Нема Татаринава, на Монастырском городище – войско готовит.

– Ну, тогда старшину найди. Он знает, что делать.

– Добре, – Егорка, окинув сочувственным взглядом изможденных галерных гребцов, первым зашагал к открывающимся воротам городка. Валуй про себя отметил странность: вроде спросил про Иванова, а ответили про Татаринава. Решив при возможности поинтересоваться у казаков о фамилии атамана, он поспешил за остальными.

Из распахнутых ворот уже выскакивали радостные казаки.

Егорка привел бывших пленников в небольшой барак, заваленный свежим сеном.

Махнув рукой, что можно было понять, как «размещайтесь», убежал за старшиной. Путило выбрался с ним – у него в Черкасске родственники. Пока старшина отсутствовал, крымский татарчонок Пешка – невысокий живчик, проданный на каторгу отцом за долги, – быстро распалил печь из тонких ивовых веток и кизяков, сложенных тут же. Космята, располагавшийся обычно с близнецами в каторге по соседству, приложил ладошки к печке с другого бока:

– А хорошо-то как на воле. Почти как дома.

– Ну, не скажи, – не согласился Серафим Иващенко – запорожский хохол, когда-то с оселедцем, давно уже обросший, как и остальные пленники. Не любили турки его хохол и, едва взяв раненого казака в полон, сразу срезали. – Дома завсегда лучше. У меня на Окрай-не мамо такие галушки варила, а... – облизав пальцы, причмокнул.

– Не трави душу, – Валуй подтянул портки. – А где тут у них отхожее место?

– За углом глянь, – ткнул кто-то пальцем в закрытую дверь.

Валуй, кивнув, отправился на поиски. С ним увязались еще несколько бывших невольников.

Борзята упал на застеленные сопревшим сеном нары. Раскинув руки, улыбнулся во весь рот:

– Хорошо-то как, братцы.

Космята отодвинул ногой сваленные рядом кизяки для топки. Присев перед разгорающейся печкой на освободившееся место, зацепил ногтем засохшую корку на лице. То ли под влиянием ворожбы Дарони, то ли время пришло, но сегодня с лица Космяты отвалились две небольшие корочки, обнажив нежную красноватую кожу. Парню не терпелось и от остальных отделаться.

– Не МОіу больше образиной ходить, сдеру.

– Дурью не майся, – Дароня остановил его руку. – Палец мыл? Враз каку-нибудь гадость в кровь запустишь. Видишь, уже сама отваливается.

– Сдерешь, срамы останутся, – татарчонок подкинул в печку здоровый кизяк. – Девка любить не будет.

– А зачем ему девки, он без них привык, сдирай-сдирай... – Борзята, приподнявшись на локте, хитро прищурился.

Космята, оглянувшись на друга, замер, задумавшись:

– Не, я погожу...

Бывшие гребцы, потихоньку собираясь у тепла, рассмеялись.

Дароня, выставив перед собой руки, задумчиво протянул:

– А ведь, поди, и девки туточки есть. Город, как-никак. А мы немывы, нестрижены. Надоть что-то придумать.

– Вот завтрева спозаранку и сообразим, – Серафим почесал росшую клочками молодую бороду. – Сбрею. Надоело так ходить.

– А я свою оставляю, – татарчонок выставил вперед острый клоч тощей бородки. – Красивая, да?

Переглянувшись, казаки грохнули хохотом. Смеялись все, даже те, что не слышали татарчонка, но больно заразительно получалось. И Космята хохотал, морщась от боли, – короста трескалась, когда раздвигал губы в улыбке.

– Такую бороду и резать жалко, – усмехаясь, бросил Борзята. – Боярская борода.

– Ага, знатная, – поддакнул кто-то.

И снова смеялись, но уже тише.

Вскоре вернулся Валуи с товарищами, а следом в барак заскочил Егорка. Открыв дверь пошире, он пропустил вперед матерого «квадратного» казачину – видать, того самого старшину. Отдувая длинный ус, он тащил перед собой огромный котел с холодной ухой. Освобожденные пленники расступились. Похвалив на ходу бывших невольников за растопленную печь, казачина осторожно опустил котел на ее металлическую поверхность.

– Нехай малость подогреется, и хлебайте на здоровье. Дюже вы худы, хлопцы, как я посмотрю, – кивнул пареньку, и тот высыпал на сено груды деревянных ложек и ломти ржаного хлеба. Сарай зараз пропитался аппетитными запахами. Голодные гребцы, как по команде, сглотнули.

Казачина обстучал ладонями гарь от котла, прилипшую к зипуну на животе. Жалостливый взгляд прошелся по выпирающим костям новичков.

– Ну, бывайте, – старшина тяжело вздохнул. – Попозже, как отмоетесь, с вами определяться будем.

Народ, громко благодаря казака, потянулся к хлебу. Егорка открыл дверь, поджидая старшину.

– А чего с нами определяться-то? – Борзята облизнул сухую ложку.

– Ну, как? – старшина, уже собиравшийся уходить, обернулся. – Как обычно. Кто-то, может, с нами останется, мы ему оружие дадим, за зипунами вместе пойдем. Кто домой вернется – тоже неволить не станем. Так что вам решать. Вы теперича люди вольные.

Пешка выскочил вперед:

– Я останусь, мене ходить некуда – отец опять хозяину вернет.

– А я домой – жинка и детки у меня. Живы ли? – Малюта – высокий, синий от худобы мужик с густыми бровями-метелками – почесал запутанную бороду.

– Мы с братом уже решили – с вами останемся, – Валуи упер руку в колено. – Никого у нас нет – всех родичей турки свели, и батю с матушкой. Больно охота гадам все наши обиды вернуть.

– И я останусь, и я, – раздались голоса в толпе.

– А я не, я до хаты.

– Ну, бувайте, – старшина откланялся. – С пустым животом дела не решают, апосля слушать вас будем.

Только за казаками захлопнулась дверь, изголодавшиеся люди сгрудились вокруг котла. Не дожидаясь, пока уха разогреется, они дружно опустили широкие ложки в варево.

Рассвет ознаменовался петушиной перекличкой. Валуй, словно и не спал, легко открыл глаза. Скинув босые ноги на земляной пол, потянулся. Он на свободе и у своих! Неожиданно захотелось на руках пройти по барaku. Вот только сделать этого негде. Да и сил вряд ли бы хватило – ослаб за месяцы плена. Народ устроился вповалку на охапках сена по всему пространству небольшого помещения, самый центр которого занимала компактная глиняная печурка. В ней еще тлел огонек. Через щель над входной дверью проникал упругий солнечный луч. В его светящемся теле копошились, словно живые, пылинки. Валуй счастливо вздохнул. «Как же хорошо!» Уже несколько дней, как освободили казаки, а он все никак не привыкнет к воле. Все кажется, закроешь глаза – и снова очнешься под грязной палубой, а рядом собака-турка с кнутом. Вроде и не так уж долго на каторге – всего пол года, а поди ж ты. Другие и по несколько лет терпят, если силушкой Бог не обделил. И не столько в руках да шее, сколько духом укрепил. Такие могут и по десятку лет держаться. Сам не видел, но рассказывали. Тот же Космята Степанков третий год в Османии, и ничего, жив и почти здоров. Разбитый нос не в счет.

С самого первого момента, когда впереди замелькал хвост вороной кобылы ногайцев, а он тянулся за ней следом, сдирая кожу и набивая синяки, Валуй не сомневался, плен – это временно. Если свои, братушки, не освободят, все одно сбегут. И Борзятку этими мыслями поддерживал. Тот охотно соглашался, и вдвоем жадно ловили тихие рассказы бывалых пленников о тех, кому улыбнулась удача. И хоть походили такие случаи больше на сказки, но свое дело делали – возвращали веру в трепещущие сердца.

Каждый день на протяжении этого страшного полугода он только и делал, что искал возможность для побега. Иной раз с братом по полночи не спали, прикидывали и так, и эдак. Шептались, наклоняясь к уху другу друга, пока кто-нибудь из товарищей не прерывал их мечтания отрывистым: «Спать дадите сегодня или нет?» Планы появлялись и исчезали, утверждались и рассыпались, как корка хлеба в морской воде. Молчаливое отчаяние сменялось нездоровой до дрожи в пальцах уверенностью, что вот теперь точно получится. Он вспомнил момент, когда уверовал – сбежит. Хоть на тот свет, но удерет, здесь не останется.

На окраине Стамбула за высоким глиняным забором, квадратом окружившим поселение, рядом выстроились десятка два камышовых шалашей. В каждом спали или пытались уснуть по пять-шесть рабов. Они с Борзяткой голова к голове лежали в третьем от края временном строении. Затянутое тучами черное небо просвечивало в прорехи между былками. Потрескивал костер охранников неподалеку. Пятеро невольников, разместившихся по соседству, молчаливо покряхтывали, иногда переворачиваясь с боку на бок. Позади остался еще один тяжелый день на стройке какого-то местного толстопуза, где казаки мешали ногами глину с соломой. Ныли суставы, простывшие за день. В подстилке шуршали вши, животы сводило судорогой от голода. Два азаба⁴⁵, равнодушно поглядывая на затихший лагерь пленников, присели на бревно у кострища. Тихо переговариваясь, они разогревали на затухающем огне чебуреки. Запахи до шалаша не долетали, и слава Богу. Борзятка, тихо вздохнув, почесал грязную бороду.

– Эх, помыться бы.

Валуй оглянулся на охранников. Помыться бы, конечно, не помешало. Турки не особо беспокоились о чистоте пленников, и гребцам удавалось смыть хотя бы самую большую грязь не чаще раза-двух в месяц. Но мысль мелькнула совсем другая:

– А давай споем.

---

⁴⁵ Пехотинцы, набравшиеся из крестьян.

Борзята с сомнением глянул туда же. Азабы не привечали шум из шалашей. Могли и избить особого громкого невольника. Но братишка смотрел на него твердо, явно не рассчитывая на отказ. И он решился:

– А давай.

Валуй заложил руку за голову, и притихший шалаш заполнил его густой низкий голос:

– Ай, да ты, калинушка... Ай, да размалинушка...»

Брат, оглядываясь на часовых, подхватил негромко:

– Ой, да ты не стой, не стой... на горе крутой. Ой, да ты не стой, не стой... на горе крутой....

Азабы замерли, вытянув шеи и прислушиваясь. А к песне присоединялись один за другим товарищи из шалаша. И вот уже полилась привольно, подхваченная десятками голосов, разрастаясь под черным, затянутым тучами, чужим небом:

«Ой, да не спущай листья во сине море,
Ой, да во синем море корабель плывет.

Ой, да во синем море корабель плывет,
Ой, да корабель плывет, лишь волна ревет.

Ой, да корабель плывет, лишь волна ревет,
Ой, да как на том корабле сотня казаков-солдат.

Ой, да как на том корабле сотня казаков-солдат,
Ой, да сотня да казаков-солдат, молодых ребят».

Валуй тянул слова знакомой с детства песни, а на глаза сами собой наворачивались слезы. Еще никогда в плену они не пели так свободно, замирая духом от восторга, чувствуя себя единой силой. И не рабов турецких, а вольных людей. Раздвинулись стены маленького шалаша, на всю ширь полетела песня. Подхватили ее жители других шалашей, в добрую сотню глоток выводили невольники немудреную историю. Азабы вскочили, оглядываясь. Напряженные руки подхватили ружья, только что мирно лежащие рядом. Но с места не двинулись. Вовремя сообразили, что не существует сейчас в мире силы, способной остановить непонятную русскую песню. Даже убивай их в этот момент, будут кричать, с кровью выплевывая слова. Не замолчат, не сдадутся. И азабы снова настороженно присели, оставив ружья на коленях.

«Ой, да сотня да казаков-солдат, молодых ребят,
Ой, да как один да из них Богу молится.

Ой, да как один да из них Богу молится,
Ой, да Богу молится, домой просится.

Ой, да Богу молится, домой просится,
Ой, да ты, командир молодой, ой да отпусти меня домой.

Ой, да отпусти меня домой,
Ой, да к отцу с матерью родной.

Ой, да к отцу с матерью родной,
Ко жене молодой

Ой, да ко жене молодой,
К малым детушкам.

Ой, да к малым детушкам,
Мал олетушкам.

Ой, да ты, калинушка, ой да размалинушка,
Ой, да ты не стой да не стой на горе крутой».

Это была их победа. Первая, самая важная. Песня затихла, но еще долго казалось казакам, что переливаются ее отголоски по дальним окраинам вечного, ныне враждебного всем христианам города. И слышат ее слова все обиженные и угнетенные люди древнего Царьграда.

Дождавшись последних слов песни, охранники словно расслабились. Оглядываясь на притихшие шалаши, азабы снова взялись за чебуреки. Вновь мерцал огонек чужого костра, шуршали вши под соломой, но в душе пленников еще долго звучали родные слова. Кто-то плакал в углу шалаша, не стесняясь товарищей. Борзята, отвернувшись, тоже подозрительно тер глаза. Валуи уткнулся носом в плечо брата:

– Мы здесь не останемся. Уже скоро, братишка.

И столько уверенности прозвучало в его словах, что Борзята в тот момент поверил бесповоротно. С этого вечера братья еще усердней взялись разрабатывать план побега.

Этот рейс на каторге стал одним из многих, в который братья уходили с надеждой напороться на казачьи струги. Или на шторм, что потопит галеру. А они с братом выплывут и спасутся. И хоть понимали умом – ножные цепи не оставляют шанса выжить, но хотелось безудержно. Валуи думал: «Лучше уж ко дну, но свободными, чем до самой смерти в кандалах». И сбылось же, еще лучше исполнилось, чем в самых смелых мечтах. Скажи потом, что напрасно надеялся. Не напрасно. Сам укреплялся в мыслях, и брат, утвердившись надеждой, легче плен переносил. Да и другие, глядя на не сдающихся Лукиных, крепче становились.

За спиной заелозил брательник: здоровый, но исхудавший мужик, словно в насмешку прозванный Малютой⁴⁶, поджал его со спины. Поднявшись на локте, Борзята ткнул брата в бок кулаком:

– Дай подняться.

Старший Лукин охотно подвинулся. Где-то за стенкой звонко вскричал голосистый петух. Брат, выбираясь из-за Валуя, кивнул туда головой.

– Во как заливают, сразу видно – наш, казачий.

Валуи мысленно согласился. Турецкие петухи кричали совсем по-другому, более тускло, что ли. Не так привольно. Словно боялись чего-то.

Подтягивая широкие турецкие портки, Борзята приблизился к печке. Прижав к ее теплому боку ладони, расслабленно улыбнулся. За ночь барак выстудило. И сейчас холодный воздух проникал из щелей у двери. После нагретого тепла нар Борзята быстро продрог. Хотя вчера наевшиеся от пуза братья холода не заметили. Так спать хотелось, что еле доползли до нар.

А нонче снова голодные, будто и не ели вчера. Взгляды Лукиных дружно скрестились на пустом котле, сиявшем почти девственной чистотой: казаки давеча хлебом вытерли стенки.

После посещения отхожего места казаки по очереди поплескались у умывальника, закрепленного на стенке барака. Стричься чем не нашли, а местные казаки словно про них и забыли. Кое-как расчесав пятернями свалывшиеся волосы, близнецы, а с ними татарчонок

---

⁴⁶ Здоровый, толстый.

Пешка, Космята Степанков, Дароня Врун, он чуть постарше Лукиных, и еще несколько казаков отправились погулять по городу.

Солнце грело по-весеннему. За стеной из кольев у Дона весело кричали скворцы, прятавшиеся в густых ветлах. У ворот мальчишки закатывали просохший волок. Дежурный казак, тихо ворча, им помогал. Заметив вышедших на прогулку новеньких, он приветливо махнул рукой. Казаки, покивав в ответ, направились дальше.

Черкасск показался Лукиным, никогда не отлучавшимся далее десятка верст от Острова, огромным. Пешка на своей татарской стороне тоже не видал ничего, кроме становища в степи, и дивился не меньше остальных. Турецкий Стамбул, конечно, намного поболее, но он – вражеский город. Там к ним относились, как скоту, и потому городские кварталы, которые иногда посещали пленники, ничем их не удивляли и не запоминались. Скорее, пугали, раздражая своей чужестой и холодным презрением встречных глаз. Ничем хорошим освобожденным невольникам Стамбул не запомнился. Только Космята не узрел ничего для себя удивительного – его Белгород, где не раз бывал с отцом по разным делам, был даже больше Черкасска.

– А курени, как у нас, – отметил Валуй.

– Ага, только повыше, – согласился Борзята.

Как и у них на Острове, курени здесь поднимались на сваи, обернутые плетнем. Для крепости его еще обмазывали глиной. Низовой этаж все время, кроме весеннего, использовался под хозяйственные нужды: под курятники, гусятники, склады. Жили на втором, основном. Только курени у деревянного храма стояли прямо на земле – здесь поднимался высокий холм, и его, вероятно, не заливало во время весеннего половодья. И что еще заметили все: чистоту на улице. Ни соринки на пыльной тропинке, ни рыбьей шелухи, ни коровьих лепешек. Видать, убирали. Не то что на Туреччине – там кругом грязь и свалка. Ну, кроме тех районов, где жила знать, но о них казаки знали понаслышке – самим бывать не приходилось.

Неожиданно Борзята толкнул Дароню в бок. Тот вопросительно искривил бровь. Лукин указал взглядом в проулок, уводящий вправо от центральной улицы. Врун медленно повернулся. В следующий момент его рука вскинулась к разлохмаченному чубу. От реки поднималась симпатичная дивчина с полными ведрами, чуть покачивающимися на коромысле. Парни как по команде замедлили шаг, дружно повернувшись в ее сторону.

Скрип-скрип, поскрипывали ведра. Все медленнее и медленнее двигались казаки. Девушка тоже заметила ребят. Смутившись, опустила голову. Тропка выбегала встречь казакам, и вскоре девушке проходить мимо. Ребята, сообразив, что смущают девушку, сами завертели головами, делая вид, что они тут просто так. Мол, просто гуляют, торопиться некуда. Девушка, не поднимая головы, поравнялась с парнями. И тут Дароня, во все глаза глядя на дивчину, неловко столкнулся с тоже засмотревшимся Космятой. Запнувшись за выставленную ногу, он чуть не свалился. Наверняка грохнулись бы оба, если бы в последний момент Валуй не ухватил друзей за воротники. Девушка, кинув быстрый взгляд на спотыкающихся казаков, озорно хихикнула. Пока парни смущенно переглядывались, наливаясь краской, она уже удалилась на несколько шагов. И еще чуть отойдя, украдкой оглянулась. Каждый понадеялся, что из-за него. Ребята, как один, заулыбались. Дароня поднял пятерню к затылку:

– Ну и дивчина, а глаза какие...

Космята вздохнул:

– Синие, как вода в колодце поутру.

– Эх, хороша, – поддакнул Пешка.

– Не то слово, хороша. Чудо, какая...

Борзята хмыльнулся:

– Ну все, пропал казак. Сейчас свататься али погодить малеха? Калинов куст⁴⁷ где тут у них?

– Да иди ты, – ровным голосом отозвался Дароня и, еще раз вздохнув, с усилием отвел взгляд от удаляющейся стройной фигурки. – Пошли, что ли.

Казаки, улыбаясь в усы и иногда оглядываясь, зашагали дальше. Больше о дивчине вслух никто не вспоминал. Хотя мечтательные искорки еще не раз и не два вспыхивали в самой глубине казачьих глаз.

Чем ближе к центру городка они подходили, тем меньше народу попадалось навстречу. И все больше мальчишек и девчонок, сновавших между плетнем и с любопытством поглядывающих на них. Взрослые куда-то подевались, будто на войну ушли.

– И где они все? – почесал затылок Космента.

Словно в ответ, до них долетел многоголосый гам, волной накативший из-за стен. Казаки прибавили шаг. Шум исходил от небольшой круглой площадки посреди города – майдана, закрытого со всех сторон длинными общинными бараками, где по обычаю жили приезжие и призванные на сборы казаки. Бывшие невольники остановились в отдалении, чтобы не мешать.

Навскидку здесь толкалось человек двести только возрастных казаков, допущенных на круг. Второе кольцо образовывали парни и подростки. Им было плохо видно, что происходило на сколоченной из досок и мелкого бревна небольшой возвышенности в центре майдана, и молодежь тянула шеи, стоя на цыпочках. Некоторые забирались на всякие кочерыги. Присмотревшись, близнецы разглядели на помосте их знакомого Ивана Косого. Размахивая руками, он что-то живо рассказывал собравшимся казакам.

Поддерживая саблю, на помост забрался среднего роста казак с большим серебряным крестом на груди, придавливающим длинную седую бороду. Косой уважительно посторонился, но не ушел. Новый казачина, ухватив крест в широкую ладонь, похоже, по привычке и перекрестившись на луковку деревянной часовни, загудел басом:

– Дело такое, братья-казаки. Опять нам попа из России хотят прислать. Говорят, будто ваш выбранный не справляется. Так ли? – он обвел зашумевших товарищей суровым взглядом из-под густых топорчившихся бровей.

– Мы его в речке скупнем, как прошлого, – закричали из толпы.

– Мы тебя выбрали, нам другого Отченаша не надобно.

– Нормально Тихон справляется.

– Посылай их подальше.

– Умники больно.

– Нам нахлебников не надо.

– Отченаш и как казак саблей горазд, и как батюшка – кадилом.

На погост заскочил, парни даже не поняли откуда – точно, не по ступенькам, – низенький и верткий казак, чем-то похожий на Тихона. Такой же заросший, но более растрепанный. Властной рукой отодвинув не сопротивляющегося батюшку, он поднял руку с зажатым в ладони посохом.

– Мы вольные люди, нам чужие не требуются. Сами с усами. Отченаш, хучь и старший брат мой, хучь и с крестом ходит, что я не одобряю. Но скажу честно – *лучший* батюшка. Верно, казаки?

– Верно, Гринька! – закричали снизу.

– Ведун не сбредет, правду скажет.

– И спрашивать нечего, гнать московского, ежели пришлют.

Косой, удерживая довольную улыбку, поднял руку:

---

⁴⁷ По распространенной казачьей и русской традиции «венчание» производилось хороводом вокруг калинового куста (отсюда и частое упоминание калины в старинных песнях).

– По-моему все ясно, хорош адатить⁴⁸, казаки, – он повернулся к Тихону. – Так и отпиши. Мол, ажеж⁴⁹, благодарствуем, но не треба. А ежели настаивать станут, шибко не ругайся, мы на него тут окорот сыщем.

Майдан одобрительно загудел. Тихон перекрестил толпу, и его широкая ладонь снова взметнулась вверх.

Атаман и ведун с интересом уставились на священника. Что еще скажет? Толпа постепенно замолкала.

– Казаки, – голос у Отченаша гудел, как огромный колокол. – Знаете ли вы, что скоро нам идти на благое, богоугодное дело?

– Это какое-такое? – раздалось из рядов.

– На Азов! – он замер, разглядывая замерших в ожидании продолжения станичников. – На Азов, чьи стены некогда принадлежали нашим предкам, а ныне они в руках врага. Знаете?

– Знаем, – закричало множество казаков.

Молодые парни, соскочив с коряг, замахали руками, выкрикивая:

– Знаем, знаем.

Отченаш помолчал, словно наслаждаясь ответами. Ведун вопросительно толкнул его в бок, мол, ты зачем это.

Священник, не обратив на брата-отступника внимания, сгустил брови:

– А чего ж вы, бисовы дети, за благословением в храм не идете?

Толпа растеряно молчала.

– Так время же ишло есть, чай не завтрева выступать.

– Успеем, не бойсь.

– Ты свою брата причащи сначала, а то он, поди, и отченаша не знает, – прокричали из толпы.

Гринька, скрывая улыбку, отвернулся. Атаман хмыкнул, а Отченаш свирепо зыркнул на говорившего, но с мысли не сбился:

– Кто тянуть станет, того к престолу Иоанна Предтечи боженька не допустит.

Теперь хмыкнул ведун. Толпа возмущенно зашумела.

– Да придем, чего ты?

– Завтрева уже собирался.

– Да все сходим, – миролюбиво улыбаясь, Иван Косой потер затянутый кожей глаз. – Так, казаки?

– А то.

– Верно говорит атаман.

– Без причащения в бой не пойдем.

– И без молитвы.

– Отченашу-то научишь, а, Отченаш?

Перекрывая голосом шум толпы, ведун проговорил громко:

– А ежели кто не успеет к братцу моему, ко мне приходите, я и причащу, и фитиль куда надо вставлю.

Отченаш выставил братцу здоровенный кулак. Гринька откровенно заржал. Толпа ответила мелким смешком. Обижать отца Отченаша не хотелось. Он из своих – казаков. В бою многих молодых за пояс заткнет. Да и ведун полезен Обществу, так лечить раненных, как он лечит, никто больше не может. Большая половина казаков когда-то побывала в умелых Гринькиных руках, и всех выходил, на ноги поставил. Вот и получается: братья, а богам разным

---

⁴⁸ Шуметь, кричать.

⁴⁹ Конечно.

служат. Но один вояка от Бога, другой врачеватель такой же. И тот, и другой – уважаемые в станицах казаки.

Отченаш, задрав руку, широко перекрестил майдан. Потом, погрозив народу пальцем, ткнул брата в ответ. Все замечает, все помнит, старый. Ведун дурашливо ойкнул, сгибаясь, будто от боли.

– А ну тебя, – не всерьез рассердился Тихон.

Прижав крест ладонью, чтобы не качался, он первым полез по ступенькам. Несколько рук потянулись, намереваясь придержать пожилого батюшку. Отченаш лишь сердито отмахнулся. Прямо на толпу спрыгнул колдун Гераська. Там успели расступиться, и он приземлился удачно. Во всяком случае, парни никакой заминки не углядели.

Космята наклонился к ближайшему казаку с мощной бордовой шеей:

– Слышь, браток, а чего батюшку Отченашем кличут?

Тот оглянулся, на парней глянули живые веселые глаза:

– А он, акромья Отченаша, других молитв не знает и ее на все случаи пользуется. Вот и прозвали, – казак оглядел внимательно слушающих ребят и, что-то подумав, добавил. – Да он не обижается. К Отченашу больше, чем к Тихону, привык.

Косой снова заговорил, и казак быстро отвернулся, вытягивая шею. За общим шумом парни не услышали слов. Вероятно, опять что-то разъяснял. Лицо серьезное, ладонь на рукояти сабли. Иван кивнул куда-то в сторону барака, где жили парни, закончив речь короткой фразой.

– Что за невольники-то? – крикнули из затихающей толпы, и ребята поняли – говорят про них. – Для нашего дела подходящие есть?

– Есть! – Косой заметил новичков. – А вот и они сами. Мы их сейчас и спросим. – Он махнул рукой, приглашая ребят подойти поближе.

Смущенные неожиданным вниманием, парни медленно втиснулись в расступающуюся толпу по направлению к помосту.

– Давайте все сюда, – Косой указал на ступеньки.

Первым по дробине поднялся Валуй. За ним шагнули остальные. Ребята скучились на краю узкой площадки, с интересом оглядываясь по сторонам. На них смотрели десятки доброжелательных глаз.

Атаман выбрал взглядом Валуя как самого крупного из парней:

– Ну, говори, что решили. Пойдете с нами на Азов отомстить туркам за издевательства или соскучились по мамкам, по домам вертаетесь?

В толпе кто-то хохотнул, но остальные молчали, ожидая ответа. Валуй переглянулся с братом. Прокашлялся:

– А нет у нас мамки – татары в полон увели, – он заметил, как атаман разом согнал улыбку, а кулаки сжались. – Нам и решать нечего – с вами мы.

Борзята и остальные казаки согласно склонили головы.

– А татарчонок? – выкрикнул кто-то из казаков. – Тоже пойдет?

Пешка, решительно отстранив Дароню, вышел на середину помоста.

– Я тозе с вами – мне отец продал, как баран. Мне больше некуда, – и опустил глаза, скрывая блеснувшие слезы.

Атаман обернулся к кругу:

– Ну что, казаки, добрых мы пленников освободили?

Круг закачался, зашумел, казаки махнули вскинутыми шапками:

– Добре!

– Гарны хлопцы.

– Токо худы больно.

– То мы подкормим, – атаман, улыбаясь, показал ребятам на лестницу.

Парни выстроились друг за другом, и деревянные ступени закачались под их хрупким весом. Казаки хлопали по плечам, заглядывали в лица, приглашали в курень, где «женка знатный холодец приготовила». Окончательно смутившиеся ребята кивали, пробираясь через толпу. В какой-то момент Борзятке показалось, будто в стороне мелькнуло знакомое лицо. Мелькнуло и скрылось. Он наморщил лоб, вспоминая.

«Неужели Семен Аксюта? – парень еще раз оглянулся, но вместо знакомого лица им улыбались уже другие, новые. – Да нет, не может быть». Борзятку толкнули в спину, и незнакомый казак приобнял за плечи. Парень, решив, что ему показалось, широко заулыбался.

Потом станичники жали братьям руки, нахваливая за смелость. Кое-как, разгоряченные и покрасневшие, парни выбрались из толпы. Но только за центральными бараками ребята наконец вздохнули свободней. Руки дружно потянулись к воротникам. Все чувствовали себя заправившимися от волнения. Космята заметил:

– Будто полдня на жаре веслами махали.

– Точно, – отозвался разухарившийся татарчонок.

– Как же хорошо у своих! – выразил общее состояние Валуи, а палец незаметно вытер предательскую соринку в углу глаза.

Ребята, оставив за спиной продолжавший шуметь круг, направились обратно к куреню, где их поселили. Впечатлений было так много, а сил еще так мало, что они чувствовали себя крепко вымотанными.

Глава 4

Новый товар Калаш-паша решил осмотреть лично. Ради этого он даже поднялся раньше обычного. Накинув парчовый халат, опустил ноги на холодный каменный пол. И невольно поджал ступни – никакие печи не могли обогреть просторные каменные комнаты старинной крепости Ташкале, возвышающейся на холме в центре Аздака, издавна облюбованной турецкими начальниками под резиденцию. Он толкнул в бок разоспавшегося Ганьку – стройного и сладкого мальчишку, грека лет двенадцати:

– Вставай, лежебока. Не до тебя мне. Одевайся и дуй в свою комнату.

Мальчик жил в женской половине, в отдельной комнате с отдельной дверью, выходящей в охраняемый коридор. День и ночь там дежурили евнухи, и паша мог не бояться, что мальчиком воспользуется кто-нибудь еще, кроме него.

Дождавшись, пока Ганька перестанет потягиваться и сядет на кровати, паша сунул ноги в тапочки. Поеживаясь от утренней свежести, пропитавшей покои, направился к окну. Товар держали во дворе, и он намеревался для начала взглянуть на него сверху.

Город просыпался. В туманном мареве глухо и привычно завывал с минарета муэдзин, по гулким улочкам недалеко катилась, поскрипывая несмазанными колесами, арба. Ранние неотложные дела не давали спать оборотистым лавочникам, и они уже потихоньку заполняли улицы, толкая перед собой небольшие тележки с товаром – торопились занять хорошие места на базаре. Во дворе суетился Кудеяр – главный распорядитель дворца, подготавливая товар к посещению Калаш-паши. Ухватив какую-то девчонку за руку, он торопливо тащил ее по ступенькам на высокий помост, где уже неуверенно топтались другие рабы. Девчонка сопротивлялась и выдергивала руку. Наконец, у Кудеяра лопнуло терпение. Обернувшись, он с размаху стеганул пленницу по затылку ладонью. Звук удара долетел даже до верхнего окошка. Калаш улыбнулся: хороший у него помощник, если и бьет, то не по лицу. Товар не портит. Девчонка, как подкошенная, рухнула к его ногам. Подозвав стражника, распорядитель велел перенести ее на помост. Тот легко подхватил тряпичное тело рабыни (похоже, она была без сознания). Закинул девушку через плечо, двинулся к ступеням.

– Эй, Кудеяр, – паша высунулся в окно, – не забей ее до смерти, я еще не смотрел свою рухлядь.

Кудеяр вскинул голову, и на его угрюмом лице в крупных оспинах расплылась широкая медовая улыбка:

– Не извольте беспокоиться, достопочтимый Калаш-паша, эта девчонка вряд ли понравится, она порченная.

– Ладно, я сам разберусь, понравится или не понравится, – паша недовольно стукнул створкой окна, тапочки раздраженно зашаркали по каменным полам комнаты.

Мальчишка, уже одетый, собирался уходить, ожидая только последнего слова господина – тот мог и передумать, такое случалось.

– Ты почему еще здесь?

Танька испуганно съежился. Не поднимая глаз, прошмыгнул мимо паши к выходу. Стукнула дверь, и Калаш остался один.

«Эти рабы быстро наглеют. Стоит только одарить их милостью своей ласки, и они думают, что им можно все, – он недовольно поморщился. В гареме этот мальчик появился недавно и оттого был особенно сладок паше. – Надо будет сказать Кудеяру, чтобы выпорол мальчишку. Но не слишком сильно. Все-таки Танька последний мальчишка в гареме. Два предыдущих почему-то быстро подошли. Этот пока держится, хоть и кричит, бывает, благим матом по ночам, когда удовлетворяет некоторые особо изысканные причуды хозяина. Ничего, во дворце привыкли к ночным крикам, – он покачал головой. – Пока не появится новый, нужно его все-таки

поберечь. Может, даже и не буду говорить Кудеяру. – Так и не определившись, паша толкнул тяжелую дверь покоев. – А эти женщины быстро приедаются. Сколько у меня жен? Шесть? А наложниц? Двенадцать. Пора обновить и женскую половину. Давно не пополнял гарем славянскими красотками».

Размышляя, паша не торопливо спустился по винтообразной лестнице, дверь, выходящая на улицу, чуть скрипнула. Распорядитель, услышав звук, выскочил навстречу. Склонившись в поклоне, уложил руки на груди.

– Ну, показывай, – паша еще не понял, в каком расположении духа находится и потому держался нейтрально. – Что там у тебя сегодня? Опять полные развалюхи?

Кудеяр, резво развернувшись, указал рукой на ступеньки:

– Вот, пожалуйста, проходите, смотрите. Товар самый разный. Я уверен, вам приглянется. Лично посмею предложить вам одну очень недурную русскую.

Паша неспешно поднялся на помост, опережая распорядителя. Наверху остановился, сложив ладошки на толстом животе.

Сегодня ему приготовили трех женщин и одного мальчишку. Что ж, какой-никакой, а выбор. Хранителю крепости редко нравились новые рабы. Как правило, они попадали к нему на помост избитые, а то и покалеченные. Часто изможденные пленом, с понурыми плечами и взглядами. Таких он не любил. Паша предпочитал шустрых, с горящими глазами и гордо поднятыми головами – этих приятно ломать. Пытками, голодом, лишением сна. У Кудеяра с фантазией все нормально. Рано или поздно почти все сдавались. Ну, а если кто не желал уступать, для таких у палача припасен целый набор казней. Одна другой интересней. Отличное средство от скуки.

Паша начал осматривать свежее поступление с краю, как на базаре, переходя от плохого к лучшему. Кудеяр, зная привычки хозяина, специально выстроил их в нужном порядке. Первое предложение – пожилая женщина, босая, с потухшим взором, стояла у края помоста. Она не двигалась, лишь слегка покачивала головой, словно была не в себе.

– Эту можно на кухню, – с ходу определил паша.

– Совершенно верно, многоуважаемый, я как раз это и хотел вам предложить.

Рядом с ней отворачивалась молодуха с длинными распущенными белокурыми волосами. Нервно жумкая зажатый в ладонях платок, она не поднимала головы. «Новенькая, – догадался паша, – видать, пленили совсем недавно, русская еще не привыкла к новому положению. Но ничего, пообтешется, свыкнется, – мысленно хмыкнул Калаш, и его колючий взгляд скользнул по нежному телу девушки. – И очень быстро».

Отпустив колыхающийся живот, он приподнял двумя пальцами подбородок новенькой. Девушка задрожала, но перечить не посмела.

– Хороша! – оценил паша, разглядывая ее стройную фигуру. – Пожалуй, я ее осчастливлю. Пусть готовят для моего гарема. Беру. Будет тринадцатой наложницей. Счастливая цифра, а?

– Совершенно верно, многоуважаемый. Смею заметить, замечательный выбор, – обогнав пашу, Кудеяр пристроился впереди. – Ну, а дальше уже нечего смотреть, – засуетился он. – Этих ногайский князь Наиль отдал в счет долга.

– Ну-ка, ну-ка, – шагнув в сторону, Калаш замер, хитро прищурившись.

К темноволосой девушке со свежим, еще красноватым жутким шрамом через все лицо жался чем-то похожий на нее мальчишка лет десяти-одиннадцати. Возможно, брат. Он был худ, грязен, но глаза гордеца словно жили своей жизнью, кидая вокруг свирепые взгляды. «Эх, как дикий волчонок! Хорош, хорош!»

Девушка высоко поднимала подбородок, и оттого казалось, глядит куда-то поверх головы невысокого пашы. Она крепко прижимала к себе паренька, будто надеялась удержать его рядом. «Глупая», – паша снова, как недавно в покоях, поежился – в этот момент на него словно

дохнуло знобящим ветерком. И дохнуло определенно от этой девки. Паша заинтересованно причмокнул языком: – Какие дикие, а? Они мне нравятся. Особенно вот этот мальчишка, – он хотел потрепать его щеку, но тот резко мотнул головой, уворачиваясь, и пальцы Калаша зависли в воздухе. Он кхекнул, довольная улыбка растянула толстые, мясистые губы. – Пожалуй, я его тоже возьму. Люблю объезжать диких... мальчишек.

Кудеяр тихо, но так, чтобы хозяин услышал, вздохнул: – Боюсь, что этот бесенок не доставит вам удовольствия, – он склонился так низко, что паша разглядел грязное пятно на голубой чалме. – Наиль сказал, они не поддаются воспитанию. Бедный князь измучился с ними.

Паша поморщился: он терпеть не мог грязных подчиненных. Но Кудеяр был незаменим при дворе, и паша счел за лучшее промолчать. Он недоуменно оглянулся: – Как это не поддаются воспитанию? Они что, не боятся боли?

Кудеяр слегка приподнял голову, и из-под чалмы выглянул, словно круглая монета, один блеклый глаз:

– Князь говорит, их легче убить, чем к чему-нибудь приспособить. Сами смотрите. Девчонка, чтобы не попасть в гарем к Наилью, изуродовала себе лицо. Косой порезала. А мальчишка почти полгода просидел в зиндане, но так и не поумнел. Вон, одна кожа и кости, а все зыркает. Может, их куда-нибудь на работы отправить, пусть глину месят, раз больше ни на что не годятся. Все не зря кормить.

Калаш пожевал губами – это движение его люди знали отлично: верный признак неудовольствия. Но в это раз Кудеяр на него не смотрел, а потому опасный сигнал ушел в пустоту:

– Ты, похоже, меня не понимаешь. Я же сказал: люблю объезжать диких. Ну, девчонка, ладно, пожалуй, не нужна, еще и порченная. Одной невесты на сегодня достаточно. Так и быть, отправляй ее куда хочешь. А вот мальчишку я заберу. Сейчас же! – он поймал сердитым взглядом неподвижный и ничего не выражающий глаз Кудеяра. За нарочитой бессмысленностью Кудеяр умело прятал мысли, и паша знал об этом.

– И давай шевелиться быстрее. – Он наставительно, как нерадивому ученику, качнул кривым, волосатым пальцем перед носом распорядителя: хорошее утреннее настроение оказалось сильнее мимолетного неудовольствия. – Мальчишку отмыть, привести в божий вид, подкормить немножко. И как чуть сил наберет, приведешь ко мне. Да долго не тяни. А то у меня всего один остался, да и тот, не знаю, долго ли протянет.

Кудеяр снова спрятал глаз за низко намотанной на лоб чалмой, и темное пятно на ткани опять кольнуло тонкую душу паша. Но в этот раз он не стал проявлять неудовольствие даже про себя. «Хороший день, хорошие покупки, зачем обращать внимание на неприятности. Тем более, это не его неприятности, и стоит только хрустнуть пальцами, как палач...» – додумывать паша не захотел. Может, в другой день. А пока его полностью устроила низко склоненная голова Кудеяра.

«То-то, – мысленно хмыкнул Калаш. – Знай, холоп, место. А то перечить вздумал. – Он еще раз оглядел щуплую фигурку отрока. Чересчур тонкий, ребра вон выпирают, как на стиральной доске. Но если подкормить...» – удовлетворившись увиденным, паша шагнул к свежееобструганным ступеням.

– Да, – он обернулся, уже держась за ручку открытой двери, ведущей в покои. – Чуть не забыл. И этого, Ганьку, накажи немного. Думаю, пяток батоков хватит. Чтобы не расслаблялся. А то так и норовит против подумать, а я все чувствую.

Добравшись до прохладных коридоров Ташкале, захлопнул за собой тяжелую дверь. Шагая по гулкому коридору, уводящему в покои, он думал о мальчишке. Представив новое приобретение на своем ложе, паша сладко улыбнулся.

– Ничего, и не таких обламывали.

Навстречу попала служанка. Низко склонившись, она постаралась проскользнуть мимо. Но паша, еще не зная, зачем, поймал ее за руку. Служанка испуганно съежилась.

– Посмотри на меня, – паша поднял подбородок женщины пальцем.

Служанка, холодея от ужаса, подчинилась. Серые глаза, чуть прикрытые выбившимся из-под платка седым волосом пожилой женщины, смотрели затравленно и не доставили Калашу никакого удовольствия. Скорей, почувствовал, как она неприятна. «Фу, какая старая и некрасивая. И забитая. И чего они так боятся? Я их и пальцем не трогаю. Как правило». И он от души хлестанул женщину ладошкой по щеке. Служанка отлетела к противоположной стене и затихла, свернувшись в клубочек. Неожиданно Калаш почувствовал, что настроение заметно улучшилось. Он потер покрасневшую ладонь и, уложив руки за спиной, зашагал по длинному коридору в глубь дворца.

Пашу ждали важные дела по подготовке крепости к возможной осаде. И хоть он не верил, что голозадые казаки смогут даже приблизиться к Аздаку на выстрел из пушки, но султан Мурат в Стамбуле требовал от него предпринять все меры к отражению возможной атаки. Не без оснований считая себя добросовестным хранителем крепости, Калаш-паша намеревался честно выполнить все распоряжения султана, в независимости от того, что сам думал по этому поводу.

Глава 5

Дня через три, когда бывшие невольники начали понемногу привыкать к вольной жизни, на заре Муратко Рынгач подогнал к бараку телегу, которую тянула пара длинногривых лошадок. Из барака никто не вышел, и Муратко набрал в легкие воздуха:

– Казаки, дрыхнете, че ли?

Таким голосом до Азова докричаться можно. Парни, протирая заспанные глаза, горохом высыпались на улицу. К этому времени в Черкасске из освобожденных гребцов осталась пятерка казаков, пожелавших воевать с турками. Остальные все уже пристроились. Серафим, отыскав в Черкасске родственников с Днепра, пока поселился у них. Он тоже собирался идти с Татариновым. Кто в сотню к своим перебрался. Некоторые по станицам разошлись, собираясь нагрянуть в войско ближе к выходу. Или вообще остаться на Дону, чтобы защищать родные курени от разных татар да ногайцев, пока остальные казаки во главе с Татариновым за Азов воюют. Человек восемь бывших гребцов, поклонившись напоследок казакам, освободившим их с галеры, направились домой в Россию к родным очагам.

Раннее солнце только показало золотистый краешек над городской стеной из двухметровых кольев, и желтовато-розовые отблески потекли по улице, окрасив в яркие цвета и дорогу, и мазаные стены куреней. Валуй, потеснив выскочившего раньше татарчонка, выбрался вперед: – Чего случилось-то?

Дождавшись, пока последний парень выберется на улицу, Муратко пробасил:

– Сидайте живо, за лошадьми поедem. Негоже казаку безлошадным на турку идти.

Космята с Дароней запрыгнули в телегу одновременно. Следом молчком сиганули Пешка и старший Лукин. И только Борзята, приседая на оставленный ему краешек, догадался поинтересоваться:

– А как же мы не поемши?

Муратко усмехнулся, арапник⁵⁰ звучно щелкнул в воздухе. Лошади, опасливо косясь на зажатый в кулачище возницы кнут, потрусили упругой рысью. Ворота распахнулись, и двойка вытянулась на пыльный шлях, теряющийся в залитой солнцем степи. Парни, теснясь на телеге, запрыгали в такт движению.

По дороге обсуждали нежданное счастье. Лошадь для казака – второе «я». Татарчонок размышлял о вороном жеребце, с высоким крупом и бешеными глазами. «Уж я его укорочу», – потирал он маленькие, почти коричневые ладошки. Космята считал, что лучше послушной и спокойной кобылы в бою быть не может. Дароня тоже хотел лошадь, «резвую и умную, чтобы всему научить». Валуй всю дорогу помалкивал, а Борзята, мечтательно закатывая глаза, рассуждал о сером в яблоках дончаке, что «любого турку на обед проглотит и не подавится». Лошадки неспешно трусили, помахивая нестриженными хвостами. Муратко, изредка шевеля слабыми вожжами, уклончиво отвечал на расспросы. Валуй, вспомнив о «двойной» фамилии атамана, повернулся к Муратко.

– Слышь, Рынгач. А чего это вы давеча атамана Ивановым назвали, а вам ответили про какого-то Татаринова?

Тот неохотно покосился на Лукина:

– Его малым татары увезли. Родителей пришибли, а его забрали. Лет поболее десятка назад. Вырос при мурзе в Крыму. Обрезали его даже. Все стерпел. С его сыном вместе в салки играли. Те думали, Михайло уже татаринoм стал. В набег парня взяли, а он ночью сынка мурзовского прирезал да к нашим на Дон убег. Потом признался, что все время, что там рос, мечтал когда-то поганым отомстить. А когда долго ждешь, чаще всего получается. Вот и Иванову

---

⁵⁰ Длинный кнут.

случай представился. Наши его уже потом татариновым сыном прозвали. А кто он? Татаринов и есть. Сейчас, хучь в татарское платье его одень, среди них посели, не отличишь.

Лошади, будто тоже заслушавшись Рынгача, вдруг встали, крутя мордами. Правая рыжая кобыла задрала хвост. На землю хлынула толстая струя. Казаки невольно отпрянули.

– Но, сыкуха, пошла давай, – Муратко поднял арапник.

Лошадь, скосив глаза, всхрапнула. Постромки натянулись, телега сдвинулась.

– А Каторжный тогда почему такой? – Борзята, пока Рынгач разговорился, решил выпросить сразу и про Ивана. – Он что, у турок на каторге много плавал?

– Каторжный-то? – Муратко, подергивая вожжи, оглянулся на младшего Лукина. – Тот, верно, много на галерах ходил. Но не у турок, а у казаков, бестолковая твоя голова. Наши годков пяток назад у османов две галеры отбили. Ну, на них и начали по всему побережью шастать. И крымскому, и турецкому, до Царьграда доходили, все окрестности тогда подчистили, Ивашка, когда бошки туркам рубил на стенах, крепко матерился, рассказывают. Те аж разбегались. То ли от сабли егошней, то ли от матюгов, – Муратко махнул хитрым глазами по серьезным лицам парней. – А выставить супротив наших своих хваленых янычар своих побоялся. Основная рать-то его в Персии неправильным мусульманам кишки выпускала, тут только гарнизон оставался. – Муратко довольно усмехнулся. – Славно тогда погуляли.

Кочка подкинула телегу, и парни дружно подпрыгнули, хватаясь друг за друга. Выровнявшись, Борзята напомнил:

– И чаво дальше?

– А чаво дальше? Почти год Каторжный на этих галерах-каторгах поганных мучал. Пока они совсем не обозлились и на Ивана целый флот не выпустили. Да и то, Каторжный наш обьегорил этих. Когда они его в плавнях зажали, Ваня турецкие каторги утопил, а весь хабар, что на них вез, вывез стругами. И даже пушки все. Вот и прозвали его Каторжным.

Заинтересованные историей, парни попытались еще поспрашивать Рынгача о судьбах атаманов, но тот, словно выполнив дневную норму слов, замолчал, отделиваясь короткими междометиями.

Вскоре, убедившись, что больше от него ничего путного не услышишь, парни оставили Рынгача в покое.

Шлях пылил под копытами выцветшей лентой из косы невесты, ранние жаворонки кружили над высокой в сажень сухостойной травой, изредка выводя длинные запевы. Парни шурились на восток, негромко переговаривались. Валуй даже успел придремать.

Телега, покачавшись на крутом бугре, ускорившись, скатилась в низинку. А как пошли опять на подъем, вильнула с дороги на малопроезжую полевку. Все разом взбодрились, завертели головами. Но видимость упала до двух-трех локтей. Высокая трава обступила телегу, сухие метелки нависли над макушками, за шиворот посыпалась труха. Муратко хранил молчание, будто каменюка на развилке дороги. Притихли и парни, понимая, что осталось совсем немного. И точно. Саженой через двести травяной тын неожиданно расступился, и внизу открылась неглубокая балка. Дно и дальний склон ее словно кто раскрасил в пегие, серые, вороньи и рыжие оттенки. Везде, куда доставал глаз, паслись лошади, очень много, наверное, несколько тысяч. Длинные гривы взлетали, рассыпаясь на сотни мелких косичек, – это ветер подкидывал, путал и перебирал конский волос, словно ребенок лохматил прически игрушкам.

Крайние жеребцы тут же встревоженно повернулись навстречу телеге. Пара лохматых, здоровых собак напряженно замерла, оскалив, даже издалека видно, мощные клыки. В стороне у шалаша чуть дымил слабый костерок, вокруг него расселись три казавшихся на дальнем расстоянии маленькими казака. А к ним уже спешил незнакомый кривоногий пастух. Махнув рукой собакам и что-то прокричав, он ускорил шаг. Собаки, потеряв интерес к прибывшим, убежали.

– Сколько же здесь их-то? Вот богатство! – Пешка пытался охватить табун расширенными глазами. Но у него плохо получалось.

– Да уж, – только и протянул Космята.

На ближайшем склоне парни углядели загон из жердей, в нем, подняв морды, прибывших разглядывал десяток лошадей самой разной масти.

Телега остановилась, запряженные лошадки дружно потянулись к траве.

– Здорово дневал, Муратко, – закричал казак, приближаясь. – А я уж заждался. Думал, чего случилось.

– Слава Богу, – отозвался Рынгач, лениво откладывая вожжи и кивая назад. – Во, молодежь тебе привез, олошадиться.

Парни попрыгали с телеги. Разминаясь и потягиваясь, столпились у загона.

Облобызавшись с Муратко, пастух повернулся к казакам:

– Значится, за лошадьми прибыли?

Вопрос ответа не предполагал, но Борзята промолчать не мог:

– И за жеребцами тож.

Казак хитро прищурился:

– А справишься-то с конем?

Борзята уже не так уверенно оглянулся на ребят:

– А чего не управиться? Али мы не казаки?

– Чего уж ты их пугаешь-то? – пробасил Муратко. – Мы сюда не шутики шутковать прибыли, а по делу.

Пастух хмыкнул:

– Казака разве ж жеребцом испугаешь? Нет, ну раз опасаетесь, тогда конечно. – И опустил глаза, пряча прыгающих в них карих бесенят.

Парни встревожено переглянулись: «Как же, кто-то подозревает их в трусости. Даже если и свой – все одно не дело». Борзята выставил грудь бочонком:

– А давай своего коня, испробуем.

Валуй опустил голову к плечу брата, губы чуть шевельнулись, не хотел, чтобы услышали:

– Зачем тебе это? Точно подвох тут. А ежели грохнешься?

Но Борзяту сейчас бы и Татаринов не остановил: при товарищах и друзьях усомнились в его смелости и верховом умении. Проигнорировав слова брата, он потянул из-за пояса нагайку:

– Где ваш жеребец?

Пастух оглянулся на загон:

– Да вот он, ангел чистый, пегий тока. Видишь?

Крупный красавец с белыми широкими пятнами по вороному телу обманчиво смирно замер в стороне от остальных лошадей, придавливая верхнюю жердь загона длинной шеей. Мощный круп, мускулистые ноги, уши чуть прижаты. Борзята, как и все казаки, разобрался в лошадях. С первого же взгляда понял, что конь только и думает, как бы вырваться на волю. Сильный и не укрощенный, будет сопротивляться, пока сил хватит. Впрочем, у себя на острове Лукиным приходилось справляться с необъезженными скакунами.

Муратко тоже оценил жеребца:

– Хорош! А чего вы его сюда загнали? Он же еще не годен к седлу?

– Потом расскажу, – пастух не желал откровенничать перед парнями. – Айда, если готов. Подсоблю малость.

Лукин-младший не стал отказываться от помощи опытного коновода. Одно взнуздать – и то попробуй. Чужого может и не подпустить.

Оба перелезли в загон. Парни, возбужденно переговариваясь, выстроились вдоль жердей, только Муратко остался на месте, невозмутимо теребя длинный ус. Остальные лошади лишь

равнодушно глянули на людей, не отвлекаясь от клочков сухой травы, разбросанной в загоне, а вот пегий встревоженно развернулся. Каким-то образом он сразу понял: идут к нему. Уши еще больше прижались, ноздри возбужденно зафыркали, шея выгнулась дугой, жеребец не собирався сдаваться без боя. Борзята невольно залюбовался пегим. Широкий, высокий круп, покатая спина породистого дончака, мощные ноги, напоминающие жерди в загоне. Каждая мышца так и переливалась под тугой кожей. Белое пятно на густочерной шкуре заиграло переливами, расплылось и, показалось, сменило форму. А может, лучи поднявшегося солнышка высветили рисунок под другим углом. В этот момент младший Лукин понял, что не отступит, даже если суждено пару раз позорно сверзнуться. Что бы ни произошло, конь обязательно станет его. Парень решительно направился к пегому. Сбоку, на ходу разматывая веревку, катился на кри-вых ногах пастух.

– Не торопись шибко, счас я на него недоуздок накину. И это, сухарик возьми, – он протянул незаметно руку.

Борзята стало стыдно: он не догадался захватить чего-нибудь съестного для лошади, а это первое правило, если хочешь установить контакт с животным. Слава Богу, пастух за него сообразил. «Надо будет потом поблагодарить».

Борзята чуть окоротил шаг. Опустив морду, конь напряженно наблюдал за приближавшимися людьми. Пастух, спрятав веревку за спину, зачем-то улыбнулся. Конь не оценил. Стоял, как каменный, лишь ноздри подрагивали. Казак провел пальцами по конской щеке. Тот вскинулся, глаза зло блеснули. Борзята протянул руку, в потной ладони лежал сухарик. Жеребец знал, что такое хлеб. И не удержался. Уши поднялись – скорей всего, не укусит. Лиловый глаз скоился вниз, а губы уже тянулись к угощению.

Развивая успех, парень погладил пегого по шее. За спиной затихли парни. Борзята почувствовал, как побежала струйка пота по спине. И в этот момент пастух накинул на коня недоуздок. Тот неожиданно воспринял его, как должное. Но в огромных глазах Лукин прочел другое: «Ну-ну... Наивные, сейчас-то я вам покажу... Еще посмотрим, кто кого». Выхватив чумбур из руки пастуха, Борзята одним движением взлетел на жеребца.

И в первый же момент чуть не грохнулся. Жеребец, похоже, ожидавший подобного, взлетел на свечку. Пастух упал рядом, но тут же подскочил, краем глаза Борзята углядел его дергающиеся лопатки в такт бегу под стареньким зипуном. Дальше стало не до наблюдений. Конь с высоченной свечки упал на раздвинутые ноги, опустив морду почти до земли. Голова парня оказалась намного ниже зада. Лукин вцепился, как клещ. Задние ноги резко взбрыкнули, и Борзята за пару секунд чуть второй раз не оказался на земле. Только каким-то чудом ему удалось удержаться на ставшем вдруг скользком, как мыло, крупе. Жеребец завернул морду, пытаясь укусить наездника, но тот успел оттянуть коленку. Из-за жердей что-то кричали, но парень не слышал. Чумбур, судорожно зажатый в руке, и дикий танец знающего, что делать, жеребца. Это все, что умещалось в его сознании сейчас.

Конь, напрыгавшись и накозлив на месте, сообразил, что так просто нахального человека не скинуть. Вывернув длинную шею, он с места ударил в сумасшедший галоп. Борзята не помнил, когда ездил так быстро. Жеребец закрутил дугу вдоль ограды, изредка пытаясь козлить. Лошади при приближении пегого шарахнулись в сторону. За лошадиными спинами пропали парни. И тут же головы друзей появились вновь – казаки забрались на забор. Борзята со всей дури стискивал конскую шею, не опасаясь малость и придушить, – послушней станет. Но пока не становился.

Резко развернувшись, пегий галопом пошел на заграждение. Жерди прыгали перед глазами, стремительно приближаясь. Тут Борзята струхнул по-настоящему. Если до этого как-то и некогда было бояться, то теперь пришло самое время. А если он не остановится? И со всего маху ударится об ограду? Как бы крепко ни держался, а слететь – раз плюнуть. Борзята, зажмурившись, мысленно перекрестился. Внезапно жеребец, круто развернувшись, затормо-

зил всеми четырьмя ногами. Парня понесло набок, он понял, что еще чуть-чуть, и съедет. Из последних сил он сжал ногами брюхо коня. И на какой-то момент замер. Жеребец не шевелился. Звуки голосов, словно сквозь толстую стену, пробились к сознанию парня.

Подняв голову, он увидел перед лицом потрескавшиеся сухие жерди. Позади кричали друзья, но что – не разобрал. Зато понял, что победил. Жеребец, вздрагивая кожей, тяжело дышал, но не двигался.

Подскочивший пастух придержал сползающего парня. Ноги Борзяты дрожали, но улыбка растянула губы на все 32 зуба.

– Силен! – пастух довольно причмокнул. – Давно такого не видал. Он давеча одного нашего так уделал, что тот до сих пор, поди, не отошел. Ребра переломал. Во как.

Борзята прижался к потной шкуре пегого. Тот повернул морду, в его распахнутом лиловом глазе Борзята прочитал ясно: «Твоя взяла».

Дыхание постепенно успокаивалось. Пастух кивнул в сторону выхода, где поджидал Муратко:

– Идем, что ли. Ты-то своего нашел. А друзья твои пока безлошадные.

Кивнув, Борзята потянул за чумбур. Пегий послушно развернулся, повинаясь движению хозяина.

Муратко, склонив голову, ожидал их.

– Ну, рассказывай. Чаво его сюда загнали. Говорили же только про готовых к седлу? А про этого полудикого речи не было.

Кривоногий стрельнул невинными глазами:

– Шибко кобыл любит. А силенок против вожака пока маловато. Тот бы загрыз его, и все. Пришлось спасать.

– Ясно, – он повернулся к Борзяте, тихо поглаживающему вздрагивающего коня. – Точно его возьмешь? Он же еще ничего не умеет. Учить придется. А времени-то уже нет почти.

Борзята блеснул счастливыми глазами:

– Научу. Он умный.

– Точно умный, – встрял пастух. – Такой умный, что беда прямо.

– Ну как хошь, – Муратко отвернулся к парням, окружившим Борзятку с конем. – Выбрали лошадей?

Оказалось, все уже присмотрели себе скакунов. Пастух махнул рукой казакам, приглашая за собой в загон. Парни выстроились за ним.

Дароня, как и собирался, взял спокойную бурую лошадь с подпалинами на кончиках гривы и хвоста. Валуй выбрал опытного каурого жеребца, хорошо знакомого с седлом. Его недавно пригнали в табун после смерти хозяина – казака-бобыля. Космята присмотрел себе тонконогую золотисто-буланую кобылу. А Пешка нашел трофейного коня, еще несколько месяцев назад ходившего под татарским седлом. Конь, словно сразу признав родственную душу, положил голову на плечо Пешки. Тот, светясь от радости, что-то шептал на ухо жеребцу по-своему. Пастух выделил казакам комплекты сбруи, и назад ехали уже впереди телеги на своих лошадях.

Глава 6

– Не так малость, смотри, как я, – повернув коня, Муратко толкнул пятками.

Умный конь с места прыгнул в галоп. Есаул вскинул саблю над головой. Десяток саженой до выстроенных рядом лозин конь не проскакал – пролетел. С легким свистом, провернувшись в полете, грозное оружие рухнуло на тонкий прут. Взгляд не уловил – попал или нет, блеснувшая голомля слилась со слепящей небесной синью. Прут даже не вздрогнул. Прошли секунды, Муратко, окоротив коня, уже разворачивался. Парни дружно в голос успели досчитать до пятнадцати. И только тут верхняя часть лозины плавно поползла по ровному срезу, а есаул, не глядя на дело рук своих, улыбаясь, направил коня шагом обратно. Валуй почесал затылок:

– Как же это у тебя получается?

– Дай-ка я ишшо разок, – Борзята объехал задумавшегося брата. Покрутил саблей, разминая плечо.

– Эх! – пегий жеребец поднялся на дыбы и, опустившись, рванул галопом.

Парень вскинул саблю. Вжикнуло гибкое железо, и кончик лозины, задержавшись до счета четыре, укоротился еще на вершок. Дождавшись, пока младший Лукин возвратится на исходную, есаул одобрительно кивнул сдерживающему довольную улыбку Борзяте:

– То добре, хлопец. Видно, что умение есть. Только подправить надоть. Глянь ишшо разок. И все тоже гляньте. Вот так, вот так... резче. С проворотом, – есаул уже который раз показывал выстроившимся перед ним всадникам приемы сабельной атаки.

Особым шиком считалось у казаков, если срубленная лозина не сразу сползет по срезу, а, словно не веря известию о своей смерти, задержится как можно дольше. Умелая рука могла так направить саблю, что тонкую камышинку даже ветром не качнет. А бывали, говорят, такие мастера, у которых срубленные лозины вовсе не падали, и срез снова затягивался. Может, сказки...

С конем Борзате повезло. Пегий быстро сообразил, что хозяин требует от него полного подчинения, и в каждой ситуации старался демонстрировать почти собачью преданность. Однако у него был пункт: жеребец никого из станичников к себе не подпускал. Конь видный, многим казакам хотелось подойти поближе, рассмотреть его, а то и пощупать. Но, угадав желание человека приблизиться, конь зло скалился, прижимая уши. Охота погладить жеребца у постороннего казака сразу пропадала. И только при появлении младшего Лукина жеребец как по мановению волшебной палочки преображался в смиренного и послушного коня. Борзята нарадоваться не мог на четвероного друга.

Сотня Муратки Рынгача, входившая в тысячу Ивана Косого, набранная в большинстве из молодых ребят, многие из которых, как братья-близнецы, уже успели побывать в плену, тренировалась в Монастырском урочище. В эту же тысячу зачислены были и другие знакомцы ребят, сейчас занимающиеся где-то на другом конце огромного поля, раскинувшегося меж двух донских протоков. Семка Загоруй, Ратка Иванеев, коваль Гарх Половин... Правда, опытные бойцы не столько сами оттачивали навыки владения саблей, тут им равных особо и не находилось, сколько молодежь подтягивали.

Тренировки продолжались вторую неделю. Есаул Рынгач и старшина Фроська Головатый гоняли народ с утра до вечера. К освобожденным гребцам с каторги Кудей-паши старые казаки относились снисходительно. Частенько, вместо того, чтобы отправлять парней на стрельбы из самопалов, возвращали к котлу – за внеочередной порцией каши. Ребята, под беззлобные смешки товарищей, охотно направляли коней к едалине. Поесть лишний раз завсегда на пользу, да и понимали – без силы много не навоюешь.

К исходу второй недели бывшие пленники начали понемногу округляться. Уже не так выпирали ключицы, не вострились подбородки с первыми кудряшками вновь наметившихся бород (старые, неухоженные все посбривали), и ребра на голых торсах уже не все можно было сосчитать с первого взгляда. Да и уставать стали значительно меньше.

Продвигалось и обучение ратному делу. Почти все парни, натасканные в семьях отцами и дедами, неплохо владели саблями и ножами. Опытным наставникам оставалось только малое: кому-то подсказать новый прием, где-то отработать не очень четкое движение. Сложней всех ученье давалось Дароне. Парень из мужицкой семьи, предки из оружия только вилы знали да цеп. Вруну пришлось познавать сабельную науку с нуля. К исходу десяти дней у настырного парня кое-что начало получаться, но все понимали: идти с такими знаниями на татар – чистое смертоубийство.

Прознав про его умение заговорить кровь, залечить рану, лихоманку какую одолеть, ведун Гераська предложил парню перейти в обоз, где организовывалась лекарня. Но Дароня категорически отказался.

«Все воевать, а я болячки врачевать? – объяснял он товарищам. – Нетушки. Ежели чего, и так помогу, чем смогу. Но с лошади не сойду».

Атаманы уважили решение парня. На смерть идет, не в кустах отсидеться, тут не запретишь. И оставили в покое. Фроська, видя, что с саблей у того дружба не очень ладится, предложил вооружить парня кистенем. Силушка в руках имелась, с головой дружил. А техника у кистеня проще, за пару недель можно главные приемы освоить. Так и вышло. Дароня целыми днями вертел ядро, прилаженное прочным кожаным ремнем к кистенищу. Бился с чеканом и с коня, и пешим, и вскоре наладился сшибать головки камыша, почти не целясь и времени не теряя. В целом атаманы были довольны пополнением.

В этот раз сотню поделили на полусотни. Первые пятьдесят бойцов вместе с есаулом отрабатывали конную атаку, остальные под руководством старшины на другом конце широкой поляны, где когда-то стоял казачий городок, разоренный татарами, рубились между собой деревянными, а кто поумелей, и настоящими саблями, разбившись на пары.

В эти дни все Монастырское урочище на правом берегу Дона напоминало огромный тренировочный лагерь. Рядом тренировались другие сотни воинов. Всего к середине апреля лета 7145 от Сотворения Мира, или в 1637 году, как *будут* считать спустя более чем 60 лет, после петровской реформы, атаманы собрали около 6 тысяч казаков – огромная сила по тем временам. Последний раз такую ораву сабельников казаки видали лет десять назад, когда собирали объединенное с запорожцами войско против турок. Тогда удачно сходили. И крымские работорговые города, и предместья Стамбула надолго запомнили опустошительный набег. Одних только славянских рабов освободили более пяти тысяч.

Но чаще в походы уходили по полусотне, редко когда в ватагу сбивалось триста-четыреста бойцов. А тысячи две-три – это вообще раз в год-два на особо крупные дела, когда казакам противостояли многочисленные, в три-пять раз превышающие казачьи формирования армии ногаев или крымчаков. А то и тех и других вместе. Да еще и черкесами приправленные. И такие относительно небольшие отряды бивали врагов в девяти случаев из десяти. Успехи татар обычно случались, когда они нападали внезапно, вероломно, а казаки не готовились к обороне. А теперь-то, с такой силищей, сам Бог велел наказать нерусь за все их прегрешения, коих накопилось изрядно.

Крепость Азов давно уже костью сидела в казачьих глотках. Нашкодив в станичных городках, турки, татары, ногайцы, черкесы – желающих наловить казачьих да русских людей хватало с избытком – прятались за высокими крепостными стенами. Поди выкури их оттуда. Казаки так врагов и называли – людоловы.

Почти треть казачьих сил составили запорожцы, несколько недель назад внезапно появившиеся на берегах Дона. Днепровцы планировали добраться морем до Персии, чтобы

предложить свои услуги персидскому шаху, воевавшему в это время с Турцией. У себя на Днепре слишком много атаманов появилось, всем места и власти не хватало, вот и собрались казаки в чужие земли. Как раньше говорили – других посмотреть да себя показать. Донцы, выслушав товарищей, сделали им встречное предложение – поучаствовать в походе на Азов и, после взятия крепости, остаться в ней жить навсегда. Донцы и днепровцы со стародавних времен почитали друг друга как братья и в случае чего всегда приходили на помощь. И тут запорожцы не долго колебались. Между чужими персами и своими казаками и выбирать нечего. Тем более что воевать так и так с турками пришлось бы. Так хоть на своей, русской земле. А Азов, как убежище для турецких войск, и запорожцам немало обид причинил. В общем, подумали для форсу более и... согласились.

К землякам с Окраины, разместившимся на другом берегу узкой здесь протоки, на второй же день ушел Серафим Иващенко и не вернулся. Видно, нашел знакомцев.

После занятий ребята собрались у шалашей, выстроенных кругом, на небольшом майдане перед костром. Борзята и еще несколько казаков поджаривали на прутах кусочки разломанной лепешки, для экономии припаса состряпанной пополам с рыбной мукой. Ее только что приволок от котла Пешка-татарчонок. Михась Колочко – опытный казак, один из немногих женатых, – натирал саблю войлоком, чтобы если не острием, так блеском своим врагу урон нанесла. «В солнечную погоду зайчик, вовремя попавший в глаз турку, может жизнь спасти, – учил Михась. – Оно вроде чепуха, а в бою иной раз и соломинка оружием покажется. Нет там неважных мелочей». Парни слушали и тоже войлоком запасались. Тут же чинил порванную у ворота рубаху старшина Фроська Головатый.

– Ждем станицу из Москвы, – не отрываясь от занятия, тихо отвечал на вопрос Фроська. – Каторжный должен подвести боеприпасы и продукты. Своих маловато, особенно пороха и селитры. А на такую громадину идти с голыми руками – смысла нет.

– Когда же он вернется? – высокий и чубатый Дароня Врун пододвинул сапогом отлетевшую головешку. – Скоко еще тут сидеть будем, до лета, што ли?

Старшина перекусил дерюжную нитку, оставившую на тонкотканой рубахе грубый шов:

– Сказывают, на подходе атаман Каторжный. Идет стругами, потому медленно. И вроде как царь казаков уважил – припасу боевого выдал, и жалованье, и тканей, и муки, и сухарей три воза. Как придет, так, атаманы говорят, и двинем.

– Та, когда же? – Борзята вытянул губы к поджаристому куску лепешки и, обжигаясь, надкусил. – Невтерпеж уж. Сидим тут, сидим, и все без толку.

– А куда вы торопитесь-то? – вскинул брови Михась. – Ты вообще, Лукин, только недавно толще тени стал, саблю выше головы поднимать начал. А туда же: «Сидим-сидим».

Казаки тихо захмыкали. Пешка хихикнул громче всех. Валуй покосился на него неодобрительно. Татарчонок, не заметив взгляда Валуй, прищурил хитрые округлые глаза. Надув щеки, он с притворной натугой поднял саблю в ножнах на уровень плеча. И тут же вскочил, возмущенно втягивая воздух через зубы. Смачная затрещина Валуй чуть не скинула Пешку с бревна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.